

НОВИЧОК

Центрфорвард

Аристарх Риддер

Новичок

«автор»

2023

Риддер А.

Новичок / А. Риддер — «автор», 2023 — (Центрфорвард)

Со сверкающего льда олимпийского финала на больничную койку нижнетагильской больницы образца лета 1987 года. Вместо белоснежных песков Флориды, виллы на берегу Мексиканского залива и капитанской нашивки в лучшей команде НХЛ – стальное уральское небо и однокомнатная квартира. Вот что приготовила мне судьба. Но я не зря был одним из лучших в своем времени. Если там я стал тем, чью фамилию скандировали болельщики по обоим сторонам океана, то смогу сделать это снова. Тем более что другого выхода у меня нет.

© Риддер А., 2023

© автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Аристарх Риддер

Новичок

Глава 1

24 февраля 2038 года. Новосибирск. Финал олимпийского турнира по хоккею с шайбой среди мужчин. Комментаторская кабина канадского канала TSN. До начала третьего периода 3 минуты.

– Добро пожаловать обратно в Новосибирск. С Вами Дэйв Мишкин и со мной легенда Лайтнинг и сборной Канады, Стивен Стэмкос. Кэп, турнир почти завершён, что ты скажешь о результате?

– Спасибо, Дэйв. Тренер Купер проделал фантастическую работу, я уверен, наши ребята не отдадут сегодняшний вечер! Русские проигрывают три шайбы, играют в восемь нападающих. У них нет шансов.

– Я тоже так думаю, Стив. Что ты скажешь русскому тренеру, когда вы встретитесь завтра?

– О да, мы завтра встречаемся с тренером Кучеровым. Я думаю, что скажу ему слова поддержки. Он собрал отличную команду. Никто не виноват, что у них в полуфинале вылетело столько игроков.

– Всё верно. То, что делали чехи, было настоящим fucking bullshit, как сказал Кучеров. Но Канада в любом случае сильнее русских.

– Это правда. Но мне хотелось увидеть финал, в котором команды в сильнейших составах.

– А что ты скажешь о капитане твоей Тампы, Ярославе Корнееве.

– А что тут скажешь? Чехи как следует его приложили в полуфинале, я не уверен, что он вообще сегодня выйдет на лёд, хоть и заявлен на игру. И когда он вернётся ко мне в команду, нам предстоит тяжёлый разговор. Я его предупреждал об опасности играть с недоленной травмой, а ещё и это. Наверняка, он пропустит часть игр регулярного сезона.

– Окей, Стив, ты знаешь, как я люблю разговоры о внутренней кухне твоей команды, но время перерыва вышло, мы возвращаемся в игру. Через 20 минут Канада станет олимпийским чемпионом...

* * *

– Ну что, Слава, я знаю, что ты не готов, но надо. Сделаешь? – вопрос главного тренера застал меня врасплох. Вчера вечером мне объявили, что хоть я и заявлен на финал, но на лёд не выйду. Так и было бы, но у нас даже трёх троек не набирается.

– Да, тренер.

– Отлично, тогда собери яйца в кулак и вперёд. Твой правый край в третьей тройке. Пошёл!

Тренер что есть силы хлопнул меня по плечу, хорошо, хоть по здоровому, и я буквально вылетел на лёд. Странное ощущение, Ледовый дворец забит зрителями, все 25 тысяч билетов проданы, а я не слышу вообще ничего, кроме того, что происходит на льду.

Вбрасывание в средней зоне, на часах 14:29 до конца, и мы проигрываем три шайбы. Но времени ещё полно...

Чёрт, как же болит плечо, ладно, соберись, Ярик, ты шёл к этому всю жизнь...

* * *

– Бросок от синей линии, Стивенс добивает. Штанга! Ещё одно добивание и мимо! Шайба у русского 86-го, это Сотников! Он входит в среднюю зону! Пас под нашу синюю линию на Яковлева. Лавфренье хитует, но шайба у Захарова, бросок... гол! Проклятье! Это только что вышедший Корнеев добил после броска Захарова.

Корнеев, которого до начала турнира называли главной надеждой русских, отыгрывает одну шайбу. 14:20 до конца...

После этого гола у Канады как будто что-то сломалось, сначала кленовые заработали глупейшее удаление за выброс шайбы в своей зоне, а потом и двойной малый штраф за грубость.

Сборная России воспользовалась этим шансом. Практически сразу капитан команды Мичков сократил отставание до минимума, а за десять секунд до выхода шестого канадца Корнеев сделал дубль, отлипнув от капитана канадцев Мак-Кинли издевательской спинорамой и попав с неудобной руки точно над плечом вратаря. Счёт стал равным...

– Двадцать секунд до конца, Канада в большинстве, бросок Джонсона! Русский защитник принимает шайбу на себя. Ещё бросок, да что такое?! Мимо! Шайба у Корнеева! Держите его, парни, держите! Он разогнался! Пробросил шайбу в среднюю зону мимо Мак-Кинли! Обыгрывает Хьюза! Это чистый выход один в ноль! Мак-Кинли успел достать русского! Хотя нет, подождите, свисток! Это что? Буллит!? И что случилось с русским?

Защитник сборной Канады сзади срубил убежавшего на рандеву с вратарём русского центра, и тот, упав как подкошенный, на полном ходу врезался головой в борт.

Если бы не травма, Корнеев бы легко убежал от Мак-Кинли, его не зря называли «железным русским». Но не сегодня. Боль мешала показать всё, на что он способен. Ещё и удар головой о борт получился «удачным». Ярослав Корнеев, главная надежда сборной России до начала турнира, впал в кому и умер по дороге в больницу.

Он умер, так и не узнав, что буллит, назначенный за нарушение на нём, не был реализован, и сборная России проиграла в овертайме.

* * *

1 июня 1987 года. СССР, Свердловск, Дворец спорта профсоюзов. Предсезонная игра клубов «Автомобилист», Свердловск и «Спутник», «Нижний Тагил»

Старший тренер «Автомобилиста» Александр Александрович Асташев пребывал в ужасном расположении духа, он совсем не хотел этой игры, она ломала составленный им план подготовки к сезону, как и предстоящий в августе турнир на призы облспорткомитета. Вместо того, чтобы провести сборы и как следует потаскать баллоны в Крыму, нужно будет играть с командами, которые намного ниже классом.

Хоть с тем же «Спутником», игроки которого сейчас были на раскатке.

Как и полагается хорошему тренеру, Асташев был в курсе того, что творится в командах области, и нижнетагильские юниоры ничем его удивить не могли. На фоне его команды они смотрелись неоперившимися птенцами. Ещё бы, они все 1971 года рождения, и новых Якушевых и Третьяков среди них не было.

Это там, в Москве, у Тихонова готовился дебютировать семнадцатилетний Павел Буре, где уже закрепился Сергей Федоров, который дебютировал в ЦСКА в шестнадцать лет. А здесь, на Урале таких самородков не нашлось.

Но ладно, посмотреть на птенцов в любом случае надо.

– Ну что, Виталий Георгиевич, – обратился Асташев к главному тренеру «Спутника» – Прокофьеву, – посмотрим на твоих ребят? Глядишь, и найдётся уральский самородок, который усилит мою команду.

– Может, и найдётся, Сан Саныч, – улыбнулся в ответ Прокофьев.

Два тренера перекинулись ещё парой фраз, и игра началась.

В целом, она прошла так, как и предполагал Асташев, его ребята доминировали над юниорами из Нижнего Тагила, и те не представляли угрозы для второго вратаря команды – Юры Волошина. За два с половиной периода птенцы нанесли дай Бог полтора десятка бросков по его воротам, тогда как вратари «Спутника» трудились во всю и на двоих вынули из сетки восемь шайб.

Матч развивался весьма предсказуемо.

Правда, когда до конца игры оставалось каких-то четыре минуты, на льду чуть было не разыгралась трагедия.

Центральный нападающий четвёртого звена Спутника Александр Семёнов – тёзка основного вратаря «Автомобилиста» принял шайбу в левом кругу вбрасывания в зоне «Автомобилиста» и при этом допустил детскую ошибку. Всё своё внимание Семенов сосредоточил на шайбе и, наверняка, не видел, что происходит вокруг.

И пропустил то, что в него на полной скорости врезался защитник «Автомобилиста» Александр Каменский, намного более крупный и тяжёлый.

От удара щуплый Семёнов отлетел в бортик, ударился головой и затих, потеряв сознание.

– Каменский, твою мать! Ты что делаешь?! – закричал Асташев, – врачи, быстро на лёд!

По счастью ничего серьёзного не случилось, ну за исключением того, что юниор потерял сознание и получил сотрясение мозга. То, что к этому добавился ещё и компрессионный перелом позвоночника, узнали через несколько часов, когда юноше сделали рентген в областной больнице.

Ну а то, что эту процедуру делали уже не Александру Семёнову, никто никогда так и не узнал.

* * *

Вот уже две недели я здесь, в СССР, мать его, образца лета тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Лежу в Свердловской Городской Клинической больнице номер 40.

Запахи здесь стоят такие, что я буду их помнить до конца жизни. Да и вообще, советская медицина середины восьмидесятых годов мне, человеку из середины двадцать первого века, кажется одной сплошной пыткой.

Привычных мне лекарств, оборудования и условий тут нет и в помине. А уж какое тут питание и туалеты с душевыми! Прямо, ухх, закачаешься!

Массажные кровати, кондиционеры, интернет и несколько сотен телеканалов в каждой палате кажутся отсюда чем-то совершенно инопланетным. И это, не говоря про привычные мне медицинские процедуры и приборы.

Нет, раньше люди точно были намного крепче, чем мои современники, как им удавалось настолько стойчески переносить всё, что кажется мне адом, одному Богу известно.

Хорошо, хоть персонал здесь в высшей степени профессиональный и делает всё от него зависящее, чтобы больные как можно быстрее покинули эти гостеприимные стены.

В общем, мне медицина в исчезнувшей на стыке десятилетий стране не понравилась сразу, как только я пришёл в себя и понял в какую, хмм... интересную ситуацию я попал.

Хотя почему в исчезнувшей стране?! Вон она – советская действительность во всём своём великолепии. За окном сосны, я лежу у окна на койке с панцирной сеткой (не сразу, но я

вспомнил, как эта штука называется), а мои соседи по палате, пять мужиков самого что ни на есть рабоче-крестьянского вида режутся в карты.

При этом плевать все пятеро хотели на режим. У Петровича, слесаря с расположенного поблизости трамвайного депо, в тумбочке припрятаны аж две бутылки водки, которые совсем скоро будут нещадно уничтожены.

Они и меня поначалу хотели привлечь к своим игорно-алкогольным развлечениям, но сначала я был никакой, сотряс тело словило серьёзный, да и перелом, который, по счастью, почти сросся, – это не шутки, а потом уже в дело вступила моя мама, вернее, мама тела, в которое я вселился.

Да, не знаю как, но я перенёсся сознанием на шестьдесят один год назад. И какая шутка мироздания! А может, Бога или дьявола, не знаю, но перенёсся я в тело совсем юного хоккеиста.

Теперь я – Александр Евгеньевич Семенов, тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения. Прошу любить и не жаловаться, как говорится.

Сотрясение мозга – очень удобная штука, к ней в комплекте прилагается возможность амнезии, и я этой возможностью всюю пользовался.

Потому что у Саши Семенова есть мама, Клавдия Викторовна, и папа, Евгений Леонидович, хорошо, хоть Саша – единственный ребёнок в семье, и о братьях и сёстрах можно не думать.

Теперь уже мои родители работают и живут в славном городе Нижнем Тагиле. Отец – плавильщик на тамошнем металлургическом комбинате имени В.И. Ленина, а мать – нянечка в детском саду, над которым шефствовал этот же комбинат.

Люди они славные, только очень рано постаревшие, видно, что жизнь у них не сахар, чего стоят только мозолистые руки матери и её тусклые, обрамлённые морщинами, глаза.

Это хорошие люди, но повезло, что от Свердловска до Нижнего Тагила больше ста километров. Да и что здесь посетителей пускают не каждый день. Я пока совсем не готов общаться с вновь обрётёнными родственниками.

Сначала надо разобраться в себе, понять, что теперь делать в этом совсем чужом для меня мире.

Хотя, что делать, мне плюс-минус понятно. Раз уж я и здесь оказался хоккеистом, то надо попытаться использовать это. Тем более что на дворе 1987 год, совсем скоро Советский Союз станет историей.

Здесьнему мне всего семнадцать лет, а значит, что, когда поднимется железный занавес, я всё ещё буду молод и смогу уехать. Карьера в Европе, в какой-нибудь Швейцарии, или, чем чёрт не шутит, в НХЛ – это отличный вариант. Да и в России, наверное, тоже можно будет неплохо устроиться.

Только не в Нижнем Тагиле или Екатеринбурге, нет. Мне нужно перебираться в Москву или, на худой конец, в Казань, Магнитогорск или в Тольятти с Ярославлем. В девятидесятых клубы из этих городов окажутся на самом верху. И если я буду частью какой-то большой команды, то и спонсоры подтянутся.

В общем, раз уж так карты легли, и я теперь молодой хоккеист пятьдесят лет назад, то и надо строить карьеру.

Осталось только вырваться из этого медицинского ада и надеяться, что травмы минуют меня стороной, хотя бы до той поры, пока не окажусь в Москве или, что лучше, за границей.

Да, и надо обязательно постараться как можно больше узнать об этом пока неведом для меня звере, Советском Союзе. Газеты, книги, радио, хреново на самом деле, что интернета пока нет, надо как-то обходиться без него. Да и с товарищами по несчастью и мамой в те дни, когда она приезжает ко мне, тоже стоит общаться. Они для меня сейчас бесценный источник информации.

Благо, что я типа память потерял, и глупые, а зачастую и банальные вопросы о советской действительности не должны никого смущать.

И, блин, мне же семнадцать, а здесь всеобщая воинская повинность. Хорошо, хоть вспомнил об этой, когда-то малозначительной в будущем, но критически важной сейчас детали.

Как бы мне в армию не загреметь.

Это резко сужает пространство для маневра. Получается, что мне подходят только армейские или МВДшные клубы. ЦСКА, СКА, Динамо, только в них я могу вроде как числиться в армии, а на самом деле играть и развиваться как хоккеист.

* * *

Вот примерно так и проходили мои дни и вечера, пока я валялся на больничной койке. Я читал, слушал радио и общался с людьми.

Которые очень быстро привыкли к моей избирательной амнезии, тут помню, а тут не помню, и старательно, даже с некоторым снисхождением, объясняли мне прописные истины.

Так продолжалось до конца июня, пока меня, наконец, не выписали, и мне можно было ехать «домой».

* * *

Тридцатое июня тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Нижний Тагил, СССР. Уральская улица дом 25, квартира 17.

Да уж, вот вроде и отдельная квартира у моих родителей, что хорошо. Но она такая крохотная, всего одна комната и маленькая кухня, с вечно дребезжащим холодильником ЗИЛ и газовой колонкой, которая при включении издаёт такой звук, что кажется, будто находишься на аэродроме и рядом с тобой взлетает четырёхмоторный самолёт.

Хорошо, хоть что игроки «Спутника» львиную часть своего времени проводят на базе команды, можно сказать мы живём там.

Правда, бабка надвое сказала насчёт «мы», после травмы, полученной в игре с «Автомобилистом», моя «мама» решила, что нечего сыну тратить своё здоровье на хоккей, и попыталась меня убедить бросить это гиблое дело.

Ну уж нет, Клавдия Викторовна, ни в какой строительный институт я не пойду, хоккей и только хоккей.

А для этого мне нужно как можно быстрее восстановиться и вернуться в команду. Дедлайн очень жёсткий, на первое августа намечен очередной матч с «Автомобилистом», к нему я должен быть готов на максимум.

* * *

Июль прошёл, как будто и не было его. Я заново познакомился с командой, как оказалось, Саша Семёнов был душой команды и водил дружбу чуть ли не с десятком игроков.

Восстановление проходило очень быстро, уже пятого числа я прошёл медосмотр, а на следующий день начал тренироваться «на земле».

И тут выяснилась очень интересная штука.

В покинутом мною будущем я был, прямо скажем, амбалом. У меня в «Тампе», где я капитанил последние семь сезонов, не было игроков физически сильнее и здоровее меня.

За это время я пропустил всего десять матчей регулярки из 574-х, да и те из-за собственной глупости, не надо было на снегоходе кататься прямо перед Новосибирской олимпиадой.

Эхх... если бы не тот перелом, то, глядишь, я бы смог сыграть по другому в том финале и не оказался бы здесь. Но, ладно, что теперь об этом думать. Я здесь, я молод, и у меня всё впереди, ну, я на это надеюсь.

И здесь, в моём новом теле, ко мне как будто вернулись те, старые физические кондиции. Моё нынешнее, очень даже худосочное тело стремительно обросло мясом. Это в сочетании с очень быстрыми руками и знанием хоккейной науки за без малого век давало мне очень хорошие шансы.

Жаль, что мышечной памяти у меня не было, той которая выручает в тех ситуациях, когда времени на размышления нет, она бы мне очень пригодилась, но это дело такое – нарабатываемое.

То, что произошло со мной за этот жаркий нижнетагильский июль стало ответом на извечный вопрос: что первично тело или дух? Конечно, дух, ничем иным перемены со мной объяснить невозможно.

В начале тридцатых годов следующего, двадцать первого века, по обеим сторонам Атлантики буйным цветом расцвели всяческие эзотерические школы. Гуру всех сортов учили, как раскрыть свой «духовный потенциал», думаю, им бы понравилось то, что со мной происходило.

Но мне некогда было об этом думать, я поставил перед собой цель и шёл к ней.

Вернуться в основной состав «Спутника», проявить себя во время игры с «Автомобилистом», попасть в его состав, порвать всех на турнире в августе, дебютировать в высшей лиге чемпионата СССР, а потом транзитом через свердловский клуб, оказаться в ЦСКА или Динамо.

Только так и никак иначе.

Ради этого я пахал, как проклятый, на тренировках, тягал килограммы в тренажёрном зале, убивался на беговых дорожках, пользуясь старой памятью, высчитывал калории в рационе.

Питание вообще оказалось большой проблемой. В Нижнем Тагиле образца восьмидесят седьмого года особо не разгуляешься.

Курица, которую мама нет-нет да приносила из ближайшего универсама, была синюшной. Такое ощущение, что эти доблестные птицы умерли своей смертью, прежде чем попасть в морозильники столовой. Из фруктов реально достать только яблоки с дачи бабушки и дедушки, а картошка и морковь, которую я покупал в ближайшем овощном, представляли собой смесь из грязи и собственно овощей.

Хорошо, хоть отец оказался воистину золотым человеком. В отличие от мамы его не придавил удушливый советский быт, и он оказался мечтателем, да к тому же ещё и заядлым фанатом хоккея.

«Раз уж сыну повезло родиться с талантом, то я сниму с себя последнюю рубаху, но помогу ему», – наверное, так он думал, когда каждый вечер приносил со смены сметану, которая ему была положена как плави́льщику.

И этой сметаны было ну очень много. Я, вернувшись домой после очередной тренировки и увидев целый литр, как-то спросил отца:

– Пап, а откуда у нас столько сметаны? Я понимаю, что тебе положены сто грамм на смену, но тут-то в десять раз больше.

Отец посмотрел на меня грустными глазами, затушил приму, которую смолил в открытую форточку кухни и ответил:

– Это вся моя бригада постаралась. Там мать макароны с тушёной приготовила, бери хлеб и ешь, и давай это, на сметану налегай. Ешь и иди спать. А завтра сыграй за всех нас. За себя, за мать, за меня и за весь наш завод.

Когда он это сказал, у меня ком к горлу подступил, именно в тот момент я понял, что они стали для меня по-настоящему родными.

Я понял, что теперь просто обязан добиться успеха. Для себя и для них. Мои голы и передачи станут тем, что вытащит их из этого всего.

Ну а на следующий день у «Спутника» была назначена игра с «Автомобилистом». И главный тренер команды пообещал, что поставит меня центром в четвёртое звено. У меня будет максимум пять-шесть минут на льду. Но эти минуты были для меня самыми важными в жизни. По крайней мере сейчас.

Глава 2

Первое августа 1987 года. СССР, Свердловск, Дворец спорта профсоюзов.

Где вы, белоснежный лёд, кристально-чистые бортики и защитные стекла? Где полные трибуны, капитанская нашивка на свитере, лучшие игроки и лучшая лига мира?

Всё там, в прошлом и, как я надеюсь, в будущем.

Ну а сейчас меня ждут серый лёд в советской глубинке и игра с противником, который в прошлый раз не оставил от моей команды камня на камне.

Игра, в которой командный результат не так уж важен, в отличие от моего личного перформанса.

Хоккей на самом деле командная игра. Топовые игроки проводят на льду максимум по двадцать минут, если говорить о форвардах, и полчаса для защитников. Да и то, полчаса – это очень большая натяжка, практически – всегда меньше. Тот же Мака́р, защитник, в своём Колорадо играл минут двадцать пять в регулярке и двадцать восемь во время постсезона.

Матвей Мичков, бессменный капитан сборной России в тридцатых, проводил на льду, что в клубе, в Тампе, что в составе национальной команды, двадцать четыре минуты. Да и то потому, что у него два сердца, и его гоняли и в хвост, и в гриву. Равные составы, большинство, меньшинство, овертайм – Матвей на лёд.

Я сам тоже когда-то был двусторонним форвардом и в клубах, и в сборной, так что играл очень много.

На победном для нашей сборной чемпионате мира 2037 года в Киеве и Харькове я вообще проводил на льду в среднем 31 минуту, но там всё было сложно. Мы доигрывали турнир в два с половиной звена нападающих, там, хочешь не хочешь, а приходилось играть на износ. Но всё ж таки смогли.

В финале против Штатов отыгрались после 0–4 в первом периоде и дожали американцев 7–6 в овертайме.

Это я к чему? Влияние одного игрока у нас меньше, чем в том же баскетболе, где один человек, если он – Уилт Чемберлен, Ларри Бёрд, Майкл, Леброн, Коби или Зайон, может затащить свою команду в одну каску. У нас всё совсем не так.

Без команды ты ничего не выиграешь, будь ты хоть Гретцки или Овечкин.

И тем парадоксальней становилась моя задача сегодня.

На команду, славный нижнетагильский «Спутник», мне положить с пробором. Это для прежнего Саши Семёнова они – друзья не разлей вода, для меня же – просто инструмент, ступенька, на которой надо подпрыгнуть и зацепиться за следующую.

Поэтому я и скриплю зубами на скамейке запасных. Не потому, что мы летим «Автомобилисту» 0–5, а потому, что уже середина второго периода, а меня до сих пор не выпустили на лёд. Товарищ Прокофьев, дайте поиграть будущей звезде мирового хоккея! Ну что вам стоит?

То ли этот дундук услышал мои мысленные мольбы, то ли в его голове сама созрела эта мысль, но Виталий Георгиевич оглядел скамейку и сказал:

– Просвирин, Семёнов, Серебрянников. На лёд!

Я кинул взгляд на табло, оно показывало 31:14. Нормально.

Эх, где вы, мои персональные коньки от ССМ? Вместо вас на ногах советские ноунеймы. Не положена мне пока фирма, надеюсь, что только пока.

Я буквально вылетел на лёд и, лихо затормозив и выбив из-под лезвий коньков целый фонтан ледяных брызг, остановился в левом круге вбрасывания в нашей зоне. Сейчас против меня стоял на вбрасывании правый крайний первого звена «Автомобилиста» – Виктор Кутергин, мужик тридцати пяти лет. Вообще на вбрасывании играют центры, но кто его знает, зачем

против меня поставили крайка. Да и какая сейчас разница. Он мне в отцы годился на самом деле, и из-под его шлема выбивались волосы с ранней сединой.

Но сейчас не время отдавать дань уважения чужим сединам.

– Как ты, малой? – спросил меня Кутергин. – Рад что Сашка тебя тогда не слишком сильно помял.

Он имел в виду Каменского, защитника первой пары, который стоял на нашей синей линии.

– Я тоже, – коротко бросил я и сосредоточился. Вот судья замер рядом с нами, а потом случилось оно, первое вбрасывание в моей новой жизни.

В той жизни у меня были хорошие учителя, в какой-то момент тренеры в российских спортшколах, наконец, осознали, как важно иметь преимущество на вбрасывании, и я был одним из лучших в этом аспекте игры. Да, сейчас мои руки очень неуклюжие по сравнению со мной прошлым, но и того, что есть, хватило. Неуловимое движение, и вот я уже откинул шайбу нашему защитнику – Ринату Галлимуллину.

Тот принял шайбу, проехал за воротами и отдал пас своему брату Рустаму.

Игроки «Автомобилиста» не стали встречать нас в нашей зоне и дали время, чтобы Рустам выехал в среднюю зону.

А там уже его встретил всё тот же Кутергин. Силовой приём, и вот Рустам полетел на борт.

Правда, я понял, что произойдёт с нашим защитником и подстраховал его. Шайба оказалась у меня на крюке, а навстречу мне полетел левый крайний соперника.

Клюшка, конёк, клюшка, дёргаюсь налево, борт, снова клюшка, и вот уже противник отыгран, я – в чужой зоне, а передо мной несколько метров чистого льда.

Видя, что происходит что-то неладное, на меня выдвинулись сразу два игрока «Автомобилиста» и тем самым дали пространство для игроков моей тройки. В правом круге вбрасывания оказался свободным Саша Серебрянников, а наш тезка Просвирин проскользнул мне за спину и оказался один за воротами.

Братья Галлимуллины, оба почему-то замешкались в нашей зоне, но сейчас они мне и не нужны.

Не дожидаясь, пока здоровенные лбы из «Автомобилиста» снесут меня ко всем чертям, я с неудобной руки покатил шайбу Просвирину и, протиснувшись между оставшихся не у дел игроков соперника, выкатился прямо перед воротами. До моего полного тёзки, Александра Семёнова, который защищал ворота свердловцев было метров семь, не больше.

– Сашка, пас! – закричал я, и Просвирин меня услышал.

Чёртова шайба запрыгала на совсем неидеальном льду свердловской арены, но на моё счастье легла как нужно.

Богатырский замах из-за ушей, щелчок и... вынимааай вратарь! 1–5!

– Отличная смена, ребята, – услышал я, когда приземлил свою задницу на скамейку.

Прокофьев был очень доволен.

Ну да, хорошо получилось, мы были на льду, дай бог, секунд двадцать, а счёт уже размочили.

Следующий шанс мне представился через три минуты. Витя Ларин сфолил в средней зоне, и мы остались вчетвером. При этом защитник «Автомобилиста» ещё и снёс его, и, пока врачи приводили Ларина в порядок, Прокофьев успел перекинуться со мной парой слов.

Ну и вбрасывание в нашей зоне, само собой.

– Семёнов, ты ловко выиграл вбрасывание, молодец. Давай-ка выходи в меньшинстве. Выиграешь опять, будешь совсем молодец.

Да мне сейчас фиолетово, когда играть. Спецбригада, равные составы, без разницы! Я за любые секунды на льду спасибо скажу! А может, и проставлюсь. Шутка.

В тот момент на льду была вторая тройка «Автомобилиста», они сменились, тяжело дыша. Так что на вбрасывание в первой спецбригаде снова вышел Кутергин.

– В этот раз у тебя не получится меня обжудить, – сказал он, когда я оказался напротив него.

Дядя, ты играй, а не болтай.

Шайба в руках судьи, вот он кидает её на лёд, моя клюшка снова быстрее, и я снова выиграл.

Саша Жабский, вот много в «Спутнике» моих тёзок, подхватил шайбу у бортика и, подняв её вверх, какой молодец, выбросил её из нашей зоны.

Я же, как ужаленный, рванул за этим маленьким каучуковым снарядом. Правда, когда она оказалась на крюке у Семёнова, я благоразумно притормозил.

Вот вратарь противника отдал пас, и я рванул к своей цели, к тому самому Каменскому, который отправил прошлого Сашу Семёнова в больницу.

Нет, вот вроде и опытный он игрок, но школы ему явно не хватает. Ну кто, даже в игре с юниорами, принимает шайбу, опустив голову?

Во мне сейчас 74 килограмма, не знаю, какую скорость я успел развить, но в любом случае Каменскому мало не показалось. Я, сгруппировавшись, врезался в него, как пущенный из пращи камень. И при этом силовой приём получился в пределах правил. Плечо в плечо, всё по науке, как учили.

Клюшка Каменского полетела направо, краги слетели, а сам он отлетел влево, а когда поднялся со льда, то выплюнул на лёд кровавую слюну и парочку зубов. Тут же между мной и налетевшими игроками «Автомобилиста» выросли судьи, которые не дали этим здоровым мужикам совершить расправу над «охаевшим юнцом».

– Двойной малый штраф, – громко сказал главный судья, и тут же с нашей скамейки раздался голос Прокофьева.

– Товарищ судья, я протестую!

Судейская бригада подъехала к нашей скамейке и вместе с тренером «Спутника» принялась что-то обсуждать.

Я же в это время спокойно стоял неподалёку. Силовой приём получился абсолютно чистым, в этом можно не сомневаться. Оставалось надеяться, что судьи разберутся.

Они не подвели меня, и вскоре я занял место в правом круге вбрасывания в зоне «Автомобилиста».

– Ты кто такой вообще, щенок? – наехал на меня Андрей Коршунов, центральный нападающий первого звена «Автомобилиста».

Я предпочёл не отвечать и сосредоточился на вбрасывании. Если всё получится, я вас очень сильно удивлю.

Вот шайба покинула руки судьи и оказалась на льду. Я сделал движение клюшкой, откинул шайбу назад, очень мягко и несильно, буквально на пару десятков сантиметров и тут же подхватил её. Потом ещё одно движение и рывок в центр, буквально метр, больше не надо.

Снаряд у меня на крюке, и я нежно, как будто это не каучуковая шайба, а куриное яйцо, швыряю её с кистей.

Мгновение назад шайба была на льду в чужой зоне, а сейчас она уже затрепыхалась в сетке. 2–5, чтоб вас! В меньшинстве!

– Семёнов – моя фамилия, – сказал я Коршунову, – приятно познакомиться.

* * *

– Семёнов, иди за мной, – услышал я голос Прокофьева, когда довольный собой вышел из душа. Да, мы проиграли 2–8, но тут нет моей вины. В третьем периоде у меня было всего

три смены, в которых я успел два раза попасть в штангу и один раз в перекладину, чёртовы миллиметры помешали! К тому же Вадик Мосолков заporол чистый выход один в ноль после того, как я обыграл в средней зоне двоих и выкатил ему шайбу, как на блюдечке...

* * *

Пройдя по бесчисленным коридорам свердловского дворца спорта, я, ведомый Прокофьевым, оказался в тесной и ужасно накуренной комнате, где нас ждали двое: неприметный мужчина в спортивном костюме, Александр Александрович Асташев, главный тренер «Автомобилиста» и какой-то хрен в двубортном костюме. Как он, болезный, в нём вообще ходит? В таком прикиде только на похороны.

– Саша, думаю, товарища Асташева ты знаешь, – начал Прокофьев, – познакомься с Виктором Васильевичем Завьяловым, председателем областного спорткомитета.

Я пожал руку Завьялову и Асташеву, и последний сказал:

– Саша, я забираю тебя из «Спутника» к себе. Попробуем тебя в «Автомобилисте» через две недели. Если ты и там покажешь себя так же, как сегодня, то будешь играть в высшей лиге. Директору твоей школы я позвоню сегодня. Следующий учебный год проведёшь в Свердловске, в спортинтернате. Всё, иди.

Вот так вот, ни вопроса хочу ли я, ни какого-то банального поздравления или похвал. «Собирай вещи, пацан. Ты переезжаешь в Свердловск».

Но мне и не нужны какие-то слова, главное, что результат достигнут.

* * *

Когда дверь за Семёновым закрылась, Завьялов закурил и, смотря, как на кончике сигареты растёт столбик пепла, обратился к Асташеву.

– Сан Саныч, а ты не поторопился? Всего несколько хороших смен, и вот ты уже готов выдернуть этого пацана из семьи и школы. Не слишком?

– Нет, Василич, не слишком. Ты, уж прости меня, не специалист. Тебе видно далеко не всё.

– И что же ты увидел?

– Зрелость, вот что. Этот мальчик за свои семь смен показал то, чего нет у половины моей команды. Он не ошибался, не делал ничего сверх необходимого и читал игру как по писаному. Виталий Георгиевич, чем вы там у себя поили этого пацана, пока он так стремительно восстанавливался после травмы?

– Да ничем, – ответил Прокофьев, – я и сам удивился, наблюдая то, что Семёнов сейчас показал. До этой игры он был у меня самым слабым форвардом, тринадцатым. А сегодня я просто какого-то Харламова увидел.

– Может, нам всем твоим пацанам шеи переломать? – усмехнулся Асташев. – Раз уж это такой эффект имеет.

– Товарищ Асташев! – возмутился Завьялов. – Попрошу вас!

– Вот вечно у вас, чиновников, чувства юмора нет. Ладно, с этим закончили. Спасибо, товарищи.

* * *

Разговор с родителями у меня, когда я вернулся из Свердловска в Нижний Тагил, получился ну очень коротким. Хотя мама попыталась ещё раз заикнуться про строительный инсти-

тут. Она всё ещё не теряла надежду, что я закончу выпускной класс, а потом брошу эту «опасную блажь», как она называла хоккей, и как нормальный человек пойду учиться на «нормальную профессию».

Правда, всё закончилось, когда отцу надоело слушать её, и он, стукнув кулаком по столу, встал и заговорил, повысив голос:

– Нет, мать. Пусть парень попробует. Ты как будто ослепла в последний месяц и не видела, как твой собственный сын буквально наизнанку выворачивался, чтобы только надеть коньки и вернуться на лёд. Я Сашу таким целеустремлённым никогда не видел. Пусть пацан попробует.

– А если опять? – спросила мама и закрыла лицо руками.

– Тьфу на тебя, дура! Ты чего каркаешь? Ну свечку сходи поставь, если хочешь. Ты думаешь, я в моей литейке меньше каждый день рискую? Да там шансов себе шею свернуть или сгореть ко всем собачьим всяко побольше, чем у хоккеиста. Всё, мать, прекращай.

Вот так, после небольшой семейной сцены я и переехал в Свердловский спортивный интернат номер 3.

Первые два были отданы на откуп юниорам, которые занимались летними видами спорта, всяким там футболистам, пловцам и прочим гимнастам и боксерам, а в третьем жили и учились мы, игроки в оба вида хоккея, лыжники, биатлонисты, конькобежцы и фигуристы.

Так получилось, что меня подселили к трём лыжникам. Комнаты в интернате были четырёхместными. Два брата-близнеца Кузьменко, Олег и Павел, и их приятель, со странными для наших широт именем и фамилией – Андроник Геворкян, оказались славными парнями. Правда, любителями нарушать режим.

– Эй, Тагил, спишь? – услышал я в первую же ночь после заселения голос Геворкяна.

Вот зараза, я вчера с этими хлопотами из-за переезда считай и не спал. Надо молчать и делать вид, что сплю, решил я.

Но не тут-то было, через пару минут он снова меня позвал.

– Тагiiiiил, хватит придуливаться, вставай и пошли с девочками знакомиться. У нас и винишко есть.

– Андрон, – услышал я голос одного из братьев, – отстань от человека. Не хочет идти, пусть не идёт. Тем более что там всего три девчонки, кому-то точно не достанется.

Так, девчонки – это уже интересней, ради этого можно и перестать изображать из себя спящего. Правда, завтра моя первая тренировка в составе «Автомобилиста». Дилемма, однако. Хотя, если не пить, то можно и совместить.

Откинув одеяло, я сел на кровать.

– Ага, – довольно сказал Геворкян. – Паша знает, на что ловить. Собирайтесь спортсмены и пойдёте.

Надев спортивный костюм, я, вслед за своими соседями, вышел из комнаты. В коридоре было темно и пусто. Никто не караулил сон будущих звёзд советского спорта.

Девочками оказались три юниорки-фигуристки, делившие одну комнату на втором этаже. Симпатичные, но какие-то одинаковые и, самое главное, нахальные.

Братья притащили с собой сразу три бутылки какого-то фруктового вина, червивка, как они его называли, а девочки сообразили что-то похожее на закуску.

Сам собой в комнате появился и кассетный магнитофон, из которого зазвучала какая-то ретро музыка, хотя какое ретро? Boney M сейчас – это самый писк.

– Ну, за прекрасных дам, – торжественно возгласил Андроник, когда первая бутылка разошлась по гранёным стаканам.

Все остальные выпили до дна, я же только пригубил и поставил стакан на тумбочку, изображавшую стол.

– Тагил, ну что ты как маленький? – тут же заметил это Геворкян.

– Завтра на тренировку, – ответил я.

– Так всем на тренировку. Это что, повод не радоваться жизни? Дамы, откройте окна, – сказал он и достал из кармана олимпийки пачку сигарилл. – Вот, брат лётчик из загранкомандировки подарок притаранил. Угощайтесь, фирма. Не то что наша отравя.

Пачка тут же пошла по рукам, и вскоре воздух наполнил крепкий запах табака с шоколадом, я оказался единственным, кто не стал пробовать импортную диковинку.

– А ты что, не куришь? – спросила меня одна из фигуристок, Оксана. Фигуристая такая, как она прыгает свои лутцы и ритбергеры с акселями вообще не понятно.

– Вредно для здоровья, – ответил я.

– Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – хохотнул Геворкян. – Ну и ладно, нам больше достанется. Давайте ещё по одной.

После того, как я снова считай и не выпил, мои шансы на интересное продолжение вечера резко уменьшились, в глазах «прекрасных дам» я буквально прочитал презрение к «маменькину сынку».

Ну и ладно, если вы готовы променять своё будущее на курево и дешёвую выпивку, то флаг вам в руки, большой и тяжёлый. Не вы первые и не вы последние, кто в таком вот юном возрасте вступил на эту скользкую дорожку и так и не смог с неё сойти.

В итоге, я уллучил момент и смылся, чтобы через десять минут уже спать.

На утро я встал, посмотрел на спящих соседей, ребята завалились в комнату часа в три ночи, судя по запаху, изрядно накурившись и выпив.

Но это, опять же, их дело и их выбор. Меня это всё не касается.

Важнее то, что сегодня я познакомлюсь с командой.

Глава 3

Третье августа 1987 года. Курганово, 30 километров от Свердловска, база хоккейной команды «Автомобилист».

В девять утра за мной в интернат заехал уже знакомый мне товарищ Завьялов, и, когда я сел в его машину, он начал меня расспрашивать о том, как я разместился.

Я не стал откровенничать и рассказывать о милых приключениях моих соседей по комнате и ограничился дежурным: «Спасибо, всё нормально».

Такой ответ его полностью устроил, и он перешёл ко второй части нашего разговора.

– Это хорошо, что нормально, Саша. Но, как меня заверил Асташев, в этом интернате ты будешь очень недолго, скорее, можно сказать, что это формальность. Если его оценки верны, то львиную долю своего времени ты будешь проводить на базе «Автомобилиста» или в разъездах по стране. Александр Александрович – человек, который очень любит дисциплину, и его игроки обычно всё время на базе, а не дома.

За это его, конечно, не любят, но, самое главное, что он приносит результат.

– Меня это полностью устраивает, Виктор Васильевич, – коротко ответил я.

И это на самом деле так. Возраст был не только моим преимуществом, но и проблемой. Я реально не чувствовал себя подростком, тем более подростком этого времени, скорее, я чувствовал себя запертым в этом молодом ещё теле.

И никакого желания проводить свободное время с ровесниками у меня не возникало. О чём мне с ними говорить? Чем вместе заниматься?

Ладно, девочки, им надо отдать должное. Хотя и с ними затык. Я же мыслю, как взрослый мужик, а заниматься чем-то интересным с шестнадцатилеткой – это уже педофилия какая-то.

Да и качество резиновых изделий номер 2, так, по-моему, здесь называют презервативы, оставляет желать лучшего. Порвётся такая резинка в самый неподходящий момент, и всё. Вот я уже молодой, очень-очень молодой, папаша. А мне это нафиг не надо.

Так что лучше вообще свести к минимуму общение вне хоккея, а всё свободное время отдавать тренировкам. Казарменные условия для этого подходят лучше всего.

За этими размышлениями мы подъехали к базе «Автомобилиста», которая была расположена за городом, в очень живописном месте, на берегу какого-то то ли озера, то ли водохранилища, не знаю.

Заехав на территорию, огороженную высоким решетчатым забором, щедро перевитым живой изгородью, машина Завьялова, новенький вишневый ВАЗ 2109 (о том, что он купил эту машину всего неделю назад, Завьялов сообщил мне буквально через три минуты после того, как я сел на переднее сиденье) проехал по отсыпанным мелким гравием дорожкам и остановился возле главного здания базы.

Через несколько минут я был уже в кабинете Асташева, вместе с которым мы с Завьяловым отправились на собрание команды и тренерского штаба.

Там меня должны были «официально» познакомить и с тренерами, и с игроками.

Волновался ли я в тот момент, когда шёл по коридорам, на стенах которых висели фотографии игроков и тренеров «Автомобилиста»?

Нет, нет и ещё раз нет. Я как будто воспринимал всё как должное, не как важную веху в жизни совсем молодого парня, которому удача улыбнулась во все свои тридцать два зуба, а как важный, но при этом достаточно простой этап. Как рутину, которую нужно просто преодолеть.

Когда мы с Завьяловым и Асташевым вошли в комнату, которая живо напомнила класс, все уже были в сборе.

За несколькими столами в двух передних рядах сидели тренеры и медики команды, а игроки заняли места за ними. В их глазах я видел одновременно и заинтересованность, и удивление.

Асташев сел на своё место за столом перед всеми. За его спиной красовалась большая доска, наподобие школьной. С обязательным мелом и тряпками, а рядом с ней висела другая, стилизованная под хоккейный овал, белая и магнитная, с разноцветными фишками, по шесть штук красных и синих.

Завьялов встал в уголке, рядом с тумбочкой, на которой стояли телевизор и видеоманитонфон. Во всяком случае я решил, что это он. Ну а я, по велению руки главного тренера команды, встал рядом с ним.

Если до этого в комнате стоял шум, и игроки, и тренеры о чём-то переговаривались между собой, то сейчас воцарилась, можно даже сказать, звенящая, тишина.

– Товарищи, здравствуйте, – начал Асташев, – скорее всего, вы и так уже в курсе того, что я хочу вам сообщить, но в любом случае необходимо всё проговорить ещё раз. Официально, скажем так.

Как вы все знаете, в этом году в рамках подготовки к выступлению в высшей лиге чемпионата Советского Союза по хоккею с шайбой наша команда свердловский «Автомобилист» примет участие в турнире на призы облспорткомитета.

Руководство спорткомитета области крайне недовольно тем, как мы с вами, товарищи, закончили прошлый сезон. Десять очков в двадцати двух играх, разница шайб 57-103 и последнее место в турнирной таблице. Мы чудом не вылетели в первую лигу.

И это позор, дорогие мои игроки, тренеры и медики. Самый настоящий позор.

Это заставило меня пойти на жёсткие, но необходимые меры. Состав команды обновился, вы уже успели познакомиться с нашими новичками, и мы все на них надеемся.

Он сделал небольшую паузу, но вскоре продолжил:

– Но на этом моя работа не закончена, и сегодня я хочу вам представить ещё одного новичка, который, может быть, присоединится к нашей команде, – он указал на меня рукой, – знакомьтесь, товарищи. Саша Семёнов, талантливый юниор из нижнетагильского «Спутника», думаю, вы все помните, как он сыграл против нас в прошлой игре. По результатам игр турнира на призы спорткомитета я приму решение насчёт его будущего. Если у вас есть вопросы и предложения, я готов их выслушать.

– Сан Саныч, – фамильярно обратился к Асташеву Виктор Кутергин, тот, которого я так ловко оставлял без штанов во время вбрасывания в последней игре, – можно мне?

– Слушаю тебя, Витя.

Как я понял, этот игрок был в команде чуть ли не главным авторитетом. Ещё бы! Капитан, чемпион СССР в сезоне 1974–1975 в составе ЦСКА и участник первой суперсерии между советским клубом и клубами НХЛ. К таким игрокам все и всегда прислушивались.

– Я против, Сан Саныч. Вы, конечно, главный тренер, и решать вам, но пацана-то не жалко? ну да, он неплохо против нас сыграл в прошлой игре. Но вам напомнить, что произошло в позапрошлой?

Это был риторический вопрос, и Кутергин продолжил:

– В позапрошлой игре Саша Каменский отправил этого шегла в больницу с переломом шеи. После жёсткого, но вполне обычного силового приёма. И Каменский не сказать что большой специалист в этом деле.

– Что вы хотите сказать, Виктор Александрович? – тут же встревоженно спросил Завьялов.

– А хочу я сказать вот что, товарищ председатель областного спорткомитета. Нам чуть больше чем через два месяца играть с ЦСКА. А там ребята не чета нашему Саше Каменскому.

Там Лёха Касатонов, Слава Фетисов и, как вишенка на торте, Володя Константинов. Если уж Каменский отправил этого пацанёнка в больницу, то эти куда его определяют? Сразу в морг?

– Если смогут подловить, – ответил я, хотя, возможно, стоило промолчать, но мне надо-ели все эти пацанёнки и щеглы, – вы вот, Виктор Александрович на вбрасываниях со мной не разу справиться не смогли. Да и Каменского я очень хорошо в прошлой игре приложил. Надеюсь, это не встало вам слишком дорого? – обратился я к своему обидчику, которому вышиб сразу два зуба, – зря вы капу не надели тогда.

Да, всё это было наглостью, так говорить про опытных и уважаемых игроков, но я решил, что стоит сразу показать характер. Тем более, что слова – это просто слова. Игра покажет.

И Каменский, и Кутергин просто пришли в ярость от моих слов. Не привыкли эти авторитеты, чтобы с ними так разговаривали. Но Асташев вовремя вмешался и подавил недовольство в зародыше.

– Так, товарищи, давайте не будем превращать общекомандное собрание в балаган. Я своего решения менять не буду. Точка.

Наверняка, у игроков «Автомобилиста» было что сказать своему тренеру и мне, но дисциплина в команде находилась на хорошем уровне, так что они промолчали.

Потом тренеры довели до игроков планы на оставшиеся дни перед предсезонным турниром, я познакомился со всеми игроками и тренерами, и собрание завершилось.

Настал черёд моей первой тренировки вместе с командой.

* * *

Шкафчики в раздевалке на тренировочном овале базы «Автомобилиста» были именные. Все, кроме одного, который и предназначался для меня.

Я переоделся чуть-ли не первым и стремглав выскочил на лёд.

Вид тренировочной арены показался мне ещё более печальным, чем во дворце спорта профсоюзов. Там следы от шайб на бортах хотя бы убирали, здесь же бортики были черным черны от постоянных попаданий, а на защитные бортики из плексигласа без слёз не взглянешь, все какие-то переломанные и скреплённые болтами.

Хорошо, хоть освещение с вентиляцией оказались хорошими, а лёд так вообще парадоксально прекрасного качества.

В общем, удовлетворительно.

Пока остальные игроки и тренеры медленно подтягивались на лёд, я успел нарезать пару кругов по ледовому овалу, присматриваясь и примериваясь к тому, что меня ждёт в ближайшие дни, вернее даже месяцы.

А потом, когда один из тренеров, а именно Хабаров, который отвечал за физподготовку, поставил на лёд ведёрко с шайбами, я его, ведёрко, а не тренера, опрокинул и, когда содержимое выкатилось на лёд, подхватил на крюк одну из шайб.

Немного пожонглировав каучуковым снарядом, подбрасывая вверх клюшкой и принимая шайбу каждый раз разной стороной крюка.

Потом подбил шайбу в воздух особенно сильно, когда она взлетела на пару метров, подхватил ещё одну, и я стал жонглировать уже двумя. А потом и тремя.

– Жонглёр, может, тебе в цирке лучше выступать, а не в хоккей играть? – услышал я голос сзади.

В этот момент все три шайбы были в воздухе, на разной высоте. Я усмехнулся и, когда они поочередно опустились на лёд, отправил их в ворота. На каждую у меня ушло меньше секунды, но двумя я попал точнёхонько по нижним углам, а последней угодил по центру ворот, точно под перекладину.

Обернувшись, я увидел перед собой защитника Илью Бякина.

В покинутом мною будущем я плотно интересовался хоккейной историей, как-никак, игра была моей жизнью. Так что этого игрока я знал.

Сейчас Илья Владимирович пока что ничего не выиграл, но в будущем его ждёт блестящая карьера, самая успешная из всех, кто сейчас со мной на льду.

Чемпион олимпийских игр в Калгари и трехкратный чемпион мира.

Настоящая легенда уральского хоккея, в общем.

– Да нет. Лучше я стану чемпионом Олимпийских игр и чемпионом мира.

– Вот как? Сразу чемпионом? Ни больше, ни меньше?

– А чего мелочиться?

– Ну посмотрим, жонглёр. Но учти, с тобой тут никто церемониться не будет. Ни на тренировках, ни в играх. На скидку из-за возраста можешь не рассчитывать.

– Да мне этого и не надо. Я тут по праву, и я это докажу. А возраст – это дело такое, наживное.

Пока мы перекидывались словами, все остальные были уже готовы, и тренировка началась.

Вполне обычная, и, надо сказать, примитивная. Ну, как по мне. Всё-таки хоккей вообще и тренерская наука в частности за полвека очень сильно шагнули вперёд.

Я наверняка смог бы, хоть и был в будущем игроком, а не тренером, намного лучше руководить тренировочным процессом, чем Асташев. Мог бы, но благоразумно предпочёл помалкивать. Если мне чего-то будет не хватать на тренировках, то я смогу добрать это сам. Ну за исключением спортивной медицины, конечно.

В двусторонке, которая последовала за тренировкой, я предпочёл особо не выделяться. Просто выполнял от и до все указания тренера.

Единственное, где я по-настоящему отличился, так это на вбрасываниях.

Кого не ставил против меня Асташев – Тарасова, Старкова, Ерёмину, других нападающих команды – всё одно.

Для меня их движения были ну очень медленными. За моими руками они никак не успевали, и я раз за разом выигрывал одно вбрасывание за другим.

– Да что за ерунда! – воскликнул в какой-то момент Кутергин. – Какого хрена!

– Витя, он же жонглёр, – со смехом ответил ему наблюдавший за происходящим Бякин. – Куда тебе до него.

– Давай ещё раз, – не желал сдаваться Кутергин.

Тренер Хабаров произвёл ещё одно вбрасывание. Кутергин прям напрягся и сосредоточился, но всё тщетно. Я снова его обыграл.

* * *

Товарищ Асташев был очень доволен тем, как прошла тренировка. На собрании перед ней нахальный юниор показал себя, прямо скажем, не с лучшей стороны. Слишком много самоуверенности сквозило в его словах. Но то, что он делал на вбрасываниях, его полностью реабилитировало.

Даже если та его вспышка во время игры «Автомобилиста» и «Спутника» была единичной, непонятно откуда взявшееся умение Семёнова играть на вбрасываниях полностью оправдывало его нахождение в команде.

«Пусть он будет даже тринадцатым нападающим в команде, просто выходит на вбрасывание в ключевые моменты игры, а потом тут же меняется. Это уже даст нам очень хорошее преимущество. Правда, надо смотреть, как он будет играть под давлением, но для этого и существуют предсезонные игры,» – думал Асташев у себя в кабинете после тренировки, тасуя варианты атакующих троек на точно такой же доске, как в комнате для собраний.

– Засиделся ты, Сан Саныч, – отвлёк его вошедший в кабинет второй тренер команды Остапенко, – и закурил, хоть топор вешай, – он помахал перед собой рукой.

– Да вот, Павел Сергеич, думаю, куда нам ставить Семёнова.

– А что тут думать? У нас за следующие восемь дней будет четыре матча, – Остапенко начал загибать пальцы, – с нашими местными «Лучом», «СКА», «Спутником» и с ташкентским «Бунокором». Времени более чем достаточно. Потасуем звенья, попробуем пацана в разных сочетаниях. В спецбригадах попробуем. И решим. Но, думаю, ты уже всё и так для себя понял. Он будет с нами в высшей лиге. Так?

– Так. Чем я хуже Тихонова? У него «школьники» постоянно играют.

– Ну, – усмехнулся Остапенко, – за исключением того, что он – тренер ЦСКА и сборной Союза, чемпион страны, олимпийских игр и чемпионатов мира и Европы, ничем, да.

– Ладно, ты прав, Сергеич, завтра Семёнов начнёт в четвёртом звене. С Федоровым и Бойченко. Ерёмин посидит тринадцатым, а Лукиянова вообще не будем заявлять. Если всё пойдёт, как надо, то его придётся отчислить.

– Если Юру отчислить, то он квартиру не получит, – сказал Остапенко. – А у него жена беременная.

– Вот что ты, Сергеич, на тухлую жилу давишь? Как будто я не знаю? А если мы с тобой и в этом сезоне обосрёмся, то в следующем году команду тренировать будут уже совсем другие люди. А мне своя рубашка намного ближе к телу. Ехать поднимать хоккей куда-нибудь в Закавказье или в Среднюю Азию мне совсем не хочется.

– Там тоже люди живут, – философски пожал плечами Остапенко. – Но ты прав, конечно.

– А если так то, что ты изображаешь девственницу после пяти аборт? Надо будет кого-то отчислить, отчислим.

* * *

Седьмое августа 1987 года. СССР, Свердловск, Дворец спорта профсоюзов. Турнир на призы Свердловского областного спорткомитета. Матч открытия. «Автомобилист» Свердловск – «Луч» Свердловск.

Первая игра на взрослом уровне. Большое событие для любого юниора. Для всех. Кроме меня.

Я это уже проходил. Так что никакого мандража или бессонной ночи перед игрой у меня не было даже и близко.

Я проснулся, перед завтраком размялся, покрутил педали велотренажёра, немного потягал железо и, когда пришло время, абсолютно спокойно загрузил свой баул с формой в Икарус и сел в автобус.

От базы до арены было минут сорок езды, сейчас пробки на Урале, да и вообще в Союзе – это ненаучная фантастика, так что мы должны приехать вовремя.

– Что-то не могу я тебя понять, жонглёр, – Бякин плюхнулся на сиденье рядом и заинтересованно на меня уставился.

– О чём вы, Илья Владимирович? – после той нечаянной пикировки во время знакомства с командой я решил больше не борзеть и обращался к товарищам по команде подчёркнуто вежливо. Мне ещё с ними жить, и, что намного важнее, играть.

– Я помню себя перед первой игрой по взрослым. Я тогда двое суток не спал. А ты как будто абсолютно спокоен.

– Лучше я буду нервничать и переживать на скамейке, а не в кровати перед игрой. Тем более, что и причин особо переживать пока нет. «Луч» – это такая же юниорская команда, как и мой «Спутник». Вот когда Александр Александрович заявит на игру в высшей лиге, тогда и буду переживать, наверное... – после секундной паузы добавил я.

– А ты – молодец, – подбодрил меня Бякин, – хорошо держишься. Мне бы твоё спокойствие.

На этом наш короткий разговор завершился, и я, упёршись взглядом в окно, смотрел, как автобус проехал по пригородной дороге, потом вдоволь попетлял по свердловским улицам и, наконец, остановился возле одного из служебных входов дворца спорта.

До моей первой серьёзной игры в этом времени оставались какие-то жалкие два часа.

Глава 4

Хоккейные раздевалки бывают разные. Где-то прямо в этих по-большому счёту сугубо утилитарных помещениях устроены самые настоящие комнаты отдыха с бассейнами и гидромассажными ваннами. Где-то есть вход в тренажёрный зал или в комнату сервисеров, где любой игрок может проконтролировать, как точат его коньки.

Все они разные.

Но есть одна вещь, которая объединяет все раздевалки, во всяком случае на нормальных аренах это так. Все хоккейные раздевалки очень просторные.

По-другому и быть не может. Как-никак в них готовятся к игре больше двух десятков здоровенных мужиков. Каждый из которых в форме занимает ну очень много места.

Хозяйская раздевалка в ледовом дворце профсоюзов в Свердловске не была исключением. Уж чего-чего, а места тут хватало всем.

Я занял своё место возле пока что безымянного шкафчика, засунул в него свой спортивный костюм и принялся облачаться. До хоккейной экипировки моего времени нынешнему снаряжению ещё очень далеко, но всё же оно давало неплохую защиту. Грех жаловаться, весь мир сейчас в таком играет.

Когда до полного комплекта оставался только белый хоккейный свитер с эмблемой команды на груди, номером 21 на спине и моей фамилией, я надел коньки и начал заниматься клюшками, обеими.

В этом времени они деревянные и тяжёлые, никакого алюминия или стекловолокна с титаном пока не было и близко. Само собой, я не мог заказать себе клюшку с индивидуальным загибом крюка. Хорошо, хоть по росту можно подобрать, и на том спасибо.

Тщательно осмотрев обе клюшки, я принялся сосредоточенно обматывать и рукояти, и крюки старой доброй чёрной хлопчатобумажной изоляцией, куда без неё, особенно в Союзе. Мотки этого незаменимого для нашего дела материала были здесь буквально повсюду. За этим увлекательным занятием меня и застал Асташев.

Главный тренер «Автомобилиста» не изменял себе. На нём был всё тот же синий спортивный костюм. Он окинул взглядом раздевалку и, кхекнув, привлёк к себе внимание.

– Значит так, товарищи. Сегодня мы играем с «Лучом». Чтобы никаких зубодробительных силовых приёмов не было! Пожалуйста, помните, что против вас играют юниоры. Ну а чтобы у вас во время игры лучше работала голова, хочу сообщить, что я только что имел разговор с руководством спортивного комитета области. И со мной говорили предельно жёстко.

Если вы, не дай Бог, кого-то помнёте, то виновника ждёт штраф. Я не хочу, чтобы сегодня повторилась ситуация с Сашей Семёновым. Никаких переломов и сотрясений у юниоров быть не должно! Я ясно выражаюсь?

Ответом Асташеву стал утвердительный гул. Когда он стих, главный тренер нашей команды продолжил:

– Хорошо, с этим разобрались. Теперь к следующему вопросу. Семёнов начинает игру тринадцатым нападающим. Без какого-то определённого звена. И кстати, всё вышесказанное, Семёнов, – Асташев внимательно посмотрел на меня, – к тебе не относится.

– Александр Александрович, это означает, что я могу молотить игроков «Луча» так, как мне вздумается? – решил спросить я и тут же услышал смех моих товарищей по команде.

Смеялись даже тренеры во главе с Асташевым.

– Жонглёр, – вот, блин, как бы ко мне не приклеилось это прозвище, – только в пределах правил. Так и никак иначе.

– Как иначе, Александр Александрович, я чту уголовный кодекс, ...ой простите, хоккейные правила.

– Хвалю за начитанность, Семёнов, – ответил мне Асташев, перекрывая своим голосом смех, – Ладно, товарищи, посмеялись и хватит. Жду от всех вас соблюдения тренерских установок и хорошей игры.

* * *

Тоннель на лёд ничем не напоминал то, к чему я привык. Никаких тебе чирлидерш и отбитий кулаков от обслуживающего персонала арены.

Всё было очень строго и сдержанно, по-советски. Перед нами, игроками «Автомобилиста» просто открыли ворота, и мы выкатились на арену.

Хорошо хоть в СССР хоккей по-настоящему любимый и народный вид спорта. Свободных мест на этой, чего греха таить, предсезонной игре не было, трибуны были полны.

Мы сделали пару кругов на льду, к началу турнира работники ледового дворца расстарились, и он был хорошего качества, а потом заняли половину площадки. На вторую выкатились игроки «Луча».

Мой полный тезка Семёнов занял место в воротах, и его с какой-то ленцой начала обстреливать часть полевых игроков во главе с Кутергиным.

Остальные, в том числе и я просто разогревались перед игрой.

Во время этого, безусловно, полезного занятия ко мне подъехал Бякин. Илья Владимирович как будто играл роль моего дядьки-наставника, впрочем, я не удивлюсь, если это так. Обычное дело, в общем-то.

– Ну что, жонглёр, готов?

– На все сто, Илья Владимирович.

– Ты давай прекращай так меня называть, ещё дядей Ильей назови. И не тушуйся, ты хоть и тринадцатый сегодня, но всё ж таки центр, дирижёр всей игры. Она должна идти через тебя.

– Спасибо, – совершенно искренне ответил я.

– И вот ещё что, не забывай отрабатывать в обороне. Если хочешь остаться в команде после этого турнира, то будь добр отрабатывать по обеим сторонам площадки.

Я ещё раз поблагодарил Бякина, а потом мы разъехались по сторонам.

На самом деле это были очень ценные советы, особенно последний. Двусторонние форварды, те, которые одинаково хорошо умели отрабатывать и в обороне, и в нападении, всегда были на особом счету.

И если я к своим атакующим умениям, в наличии которых Асташев уже успел убедиться, добавлю ещё и цепкость в обороне, то можно быть спокойным за своё будущее.

Раскатка закончилась, и вот уже мы заняли свои места на скамейке. Всё было готово к игре.

Наши ворота в этой игре защищал Семёнов, первой парой защитников вышли Мартеньянов и Бякин, ну и первая тройка нападения. Кутергин – Тарасов – Татаринов.

Судья дал свисток, и игра началась.

Буквально через две минуты мы заработали большинство и практически сразу его реализовали. Старков выиграл вбрасывание, откинул шайбу Каменскому, тот бросил в касание. Вратарь Луча в каком-то неуклюжем полуприсяде отбил шайбу, но она оказалась бесхозной на пятачке, откуда её с полуметра добил Олег Бойченко.

Он буквально продавил сразу двоих игроков «Луча». Если бы такая шайба была бы забита в высшей лиге, то можно было бы сказать, что она «трудовая», как говорили в России. Ну или то, что Бойченко занес её с мясом, если пользоваться терминологией НХЛ.

Но против «Автомобилиста» играли мои ровесники. Так что не было ничего удивительного, что Бойченко забил.

До конца первого периода «Автомобилист» отличился ещё один раз, Кутергин вошёл в зону «Луча» и с ходу бросил.

Так что на первый перерыв мы ушли с комфортным преимуществом в две шайбы.

И было видно, что игра полутоварищеская, «Автомобилист» особо не хотел, а «Луч» не мог.

Так что во время перерыва ко мне подошёл один из наших тренеров, Олег Романович Иванов и сказал, чтобы я готовился.

– Семёнов, игра такая, что мы решили дать тебе минут десять в оставшихся двух периодах. Ты выходишь на стартовое вбрасывание.

Что ж, это хорошо.

* * *

Если игроки «Автомобилиста» были против меня на точке слабы, то Стас Виноградов из «Луча» оказался просто беспомощным.

Наверное, у него я мог бы выиграть с завязанными глазами. Виноградов даже не успел понять, что произошло, а я уже откинул шайбу назад Каменскому и, тут же ускорившись, встал на чужую синюю линию, ожидая пас.

Правда, наш защитник не стал сразу же отдавать шайбу мне. Он отпасовал её своему напарнику Велижанину, а тот отдал Федорову.

Наш левый крайний третьего звена, в котором я вышел на лёд, не вошёл в зону и сделал пас за ворота, переведя шайбу на правый край, где её подхватил Олег Бойченко.

Тот откатился в правый круг вбрасывания и сделал пас на пятак, куда рванул я.

Двое защитников «Луча» и Виноградов висели у меня на плечах, один из них постарался подбить мне клюшку, но это сделать ему не удалось.

Но и бросить по воротам эта его попытка мне не дала.

Вместо этого мне пришлось, не глядя отдать пас назад, в середину чужой зоны, где на свободном льду должен был быть Велижанин или Каменский.

Так и получилось, и обиженный мной недавно защитник щёлкнул по воротам.

И не попал. Вернее, попал, но в крюк клюшки защитника «Луча», и шайба подпрыгнула и попала в заградительную сетку за воротами. Вместо верного гола мы получили вбрасывание.

Мы были на льду секунд тридцать, не больше, и Асташев решил не менять тройку нападения. Сменились только защитники.

Поэтому я снова встал на вбрасывание, теперь уже против другого нападающего «Луча».

Тот решил, чего бы то не стало обыграть меня и дёрнулся раньше времени. Свисток судьи, и вместо центра третьего звена против меня выкатился их левый крайний.

Тот оказался более выдержанным, но это ему не помогло. Я снова выиграл.

Вот только лёд меня подвел, и шайба предательски перепрыгнула через клюшку Нашего защитника Виктора Авдеева и вышла в среднюю зону.

Пришлось нам всей командой откатываться назад и начинать новую атаку.

Которая не получилась. И, к сожалению, по моей вине. Зря я решил пойти в обыгрыш сразу против двоих.

Одного своего оппонента, нападающего Логинова, я обыграл, но далековато отпустил шайбу, и ей завладел защитник «Луча» Сергей Акулов, который, к слову, выделялся среди своих одноклубников и был одним из лучших на льду.

В итоге пришлось мне вместо чистого выхода один в ноль катиться на скамейку.

Где я тут же попал под жёсткую критику Асташева.

– Семёнов, играй проще. Это хорошо, что ты смело идёшь в обыгрыш, но не надо стараться обыграть всю пятерку противника в одиночку. Шайба на льду движется намного быстрее любого игрока.

– Я вас понял, Александр Александрович, – ответил я, а потом взял бутылку с водой. На арене было немного жарковато, и мне хотелось пить.

– Не заигрывайся, – напоследок сказал мне тренер.

* * *

Прошло шесть минут чистого игрового времени, и мне снова дали шанс. На сей раз в большинстве. За игру высоко поднятой клюшкой судьи удалили нападающего «Луча» Сергея Нелюбого, и меня выпустили в первой спецбригаде.

Единственным защитником вышел Бякин, а форвардами были Кутергин, Тарасов и Мартянов. Ну и я – на синей линии, вместо ненужного сейчас второго защитника.

Тарасов встал на точку вбрасывания, благополучно проиграл его, и шайба оказалась у защитника «Луча». Тот отъехал за свои ворота, отпасовал своему напарнику, а тот уже постарался выбросить шайбу из зоны, по воздуху и через центр.

Хорошая, но на самом деле наглая идея. Тем более что у парня не хватило исполнительского мастерства, и он подкинул шайбу недостаточно высоко.

В результате я благополучно поймал её рукой до того, как шайба покинула зону «Луча», и, когда та приземлилась на лёд, отдал свободному Бякину.

Тот не стал ничего выдумывать и просто от души пальнул по воротам. Кутергин в этот момент создал трафик перед воротами и закрыл видимость вратарю «Луча».

В итоге не сложный по траектории, но сильный бросок попал удачно, и шайба прошла над плечом не видевшего момент броска защищавшего ворота «Луча» Александра Воропаева. Гол, и счёт стал 3:0.

Во таким, достаточно будничным у меня получилось первое очко на взрослом уровне. Не плохо на самом деле, надёжность сейчас мне тоже очень важна, а удивлять я буду чуть позже.

* * *

Правда, это было не последнее моё результативное действие за сегодня. Асташев действительно решил дать мне много игрового времени, и я ещё во втором периоде успел сделать и вторую результативную передачу.

Встретил силовым приёмом нахально полезшего в обыгрыш Щелкунова, а когда тот полетел на лёд, спокойно подхватил шайбу и одним пасом под чужую синюю линию отрезал всех остальных игроков «Луча».

Получатель этой отменной передачи, Андрей Баландин, а именно он был её адресатом, спокойно выкатился на рандеву с Воропаевым и сильным, но при этом точным кистевым пробил его.

Ну а на исходе третьего периода я забил и сам. Счёт тогда был уже 0–5, но формат предсезонного турнира и не предусматривал какой-то особой важности или интриги. Просто очередной этап подготовки.

Что до самой шайбы, то она получилась очень типичной для всей моей карьеры, во всяком случае для первой её части, той, в которой меня ещё не мучали травмы.

Просто подобрал шайбу, ускорился, вышел с ней из нашей зоны, сместившись к борту. Отыгрался сам с собой через этот борт и тем самым оставил не у дел державшего меня игрока Луча.

Ну а потом просто и без изысков на скорости обошёл ещё одного игрока и бросил по воротам.

Всё это я проделал, не смотря на шайбу, а крутя головой и оценивая ситуацию.

Так что я увидел, что стойка у Воропаева не очень правильная и бросил по центру низом, стараясь попасть в домик.

Вратарь Луча не успел отбить щитками или клюшкой, и вот он – гол. 0–6. Гейм, сет, матч.

Хорошая, в общем, получилась игра для меня. С одной стороны, достаточно результативная, а с другой, не энергозатратная. Я устал, конечно, но не сказать чтобы слишком уж сильно.

Поэтому, после того, как автобус с командой приехал обратно на базу, я решил сразу же отправиться в тренажёрный зал, поработать немного с железом перед сном.

И наткнулся на закрытую дверь, пришлось несолоно хлебавши возвращаться к себе в комнату.

За завтраком на следующий день мои партнеры по команде объяснили, что так поздно вечером тренажёрный зал закрыт всегда. Как и бассейн с катком.

Раз в тренерских планах товарища Асташева не предусмотрены тренировки после двадцати двух ноль ноль, да ещё и после игр, пускай что и тренировочных, то и нечего игрокам там делать. Соблюдайте лучше режим.

Ну так значит так. Может, оно и к лучшему. Тем более что следующая игра против Ташкентского «Бинокора» у нас должна была состояться уже вечером.

* * *

Честно сказать, я совсем не знаю, как там в Узбекской ССР обстоят дела с хоккеем, но подозреваю, что очень не очень.

Этот вывод я сделал по тому, что вместо восстановительной тренировки, как в НХЛ или в КХЛ в трёх случаях, когда предстоят игры Back to Back, Асташев загрузил нас по полной. Так перед матчами против серьёзных противников не делают.

Сразу после завтрака мы отправились под открытое небо, где нас ждала небольшая разминка, на мой взгляд, слишком короткая и состоявшая не из тех упражнений, которые нужны.

Ну а потом мы стали бегать. Сначала просто так, а потом с утяжелителями.

Я думал, что на этом всё, но после обеда нас ждала вторая часть этого «марлезонского балета». Знаменитые советские баллоны, тех, кто придумал эту пытку, надо найти и удавить на самом деле.

Меня, как юниора, эта участь тоже не миновала, так что я изрядно устал.

Ничем иным кроме как желанием Асташева посмотреть на команду, когда игроки под нагрузкой, я объяснить его действия не мог.

Во всяком случае только это имело, на мой взгляд, хоть какую-то логику.

В итоге ему это полностью удалось. На матч с ташкентцами я вышел уставшим, меня вчерашняя игра так не вымотала, как сегодняшняя тренировка.

А тут ещё и Асташев перед игрой сообщил, что хочет попробовать меня на позиции центра первого звена и в составе первой спецбригады большинства и ситуативно в одной из бригад меньшинства. Очень и очень много игрового времени для шестнадцатилетнего игрока.

* * *

– Сан Саныч, – спросил у Асташева доктор команды Герман Андреев, когда тренер шёл из подтрибунного помещения на площадку. – Ты же так загонишь парня. Может, не надо так много времени ему давать?

– Ты думаешь, что ему нельзя столько играть по медицинским показателям?

– Да нет, он здоровый, как бык. Не зная, что ему всего шестнадцать, я бы дал ему лет двадцать, а то и больше.

– Ну вот ты и ответил на свой вопрос. Если он здоровый, как бык, то пусть и пашет во всю. Мало ли какая ситуация может произойти во время игры в высшей лиге. Сейчас самое время всё смоделировать.

На самом деле Асташев решил немного проучить безусловно талантливого, но слишком уж наглого новичка. Ему не понравилось то, что тот решил после игры потренироваться самостоятельно, как будто ему мало было нагрузок.

«Ну раз так, я тебе устрою сегодня нагрузки. Глядишь, и не будешь больше глупых вопросов задавать», – подумал Асташев, глядя, как Семёнов выходит на стартовое вбрасывание.

Глава 5

Да уж, уровень узбекского хоккея оказался, как говорится, ниже плинтуса. Не хотел бы я числиться в клубе, подобном этому «Бинокору».

Несмотря на то, что играли мы под нагрузками, соперник оказался слишком слабым. 3:0 к первому перерыву, и 8:0 в итоге. Не интересно даже как-то.

Зато мне удалось вдоволь наиграться, больше двадцати минут на льду и 1+4 в итоговом протоколе – очень и очень приличные цифры для юниора.

Собственно, после этой игры я, да и никто в команде тоже, уже не сомневался в моих перспективах на следующий сезон.

После игры, сразу после того, как мы прибыли на базу, Асташев вызвал меня к себе в кабинет и поздравил с этим. Правда, в очень странной манере.

– Можешь позвонить родителям, ты остаёшься в команде. Поздравляю. Вот только что с тобой делать, Семёнов, я не знаю.

– Извините, Александр Александрович, это вы о чём? Я не очень понимаю.

– У тебя настоящий талант, Саша, что верно, то верно. И уже сейчас ты, по какой-то непонятной мне причине, играешь лучше, чем любой другой мой игрок. Но вот то, как ты общаешься с самыми опытными и авторитетными игроками в команде, просто недопустимо, – вот же, блин, он что, сейчас высказывает мне за то, как я пикировался с Кутергиным и Каменским на представлении команде?

– Больше не повторится, Александр Александрович, – решил коротко ответить я.

– Я на это надеюсь, Семёнов. Но что сделано, то уже сделано. Я хотел тебя поставить сразу в первое звено центром, но пока что этого делать не буду.

– Разрешите вопрос, Александр Александрович, – осторожно спросил я.

– Конечно.

– Вот вы сказали, что не поставите меня первым центром. А вообще, с кем я буду играть в тройке? Я так понимаю, что сегодня вы специально тасовали звенья и смотрели на то, кто в каких сочетаниях лучше всего играет. Так?

– Верно, – ответил Асташев, – план был такой, именно просмотреть максимальное количество сочетаний. А с кем ты будешь играть в тройке, я пока не знаю. Но ничего, до старта сезона у нас ещё много времени, мы успеем определиться с сочетаниями. Всё, иди.

* * *

Когда Семёнов вышел из кабинета, Асташев засобирился домой. Следующая игра «Автомобилиста» с нижнетагильским Спутником назначена на послезавтра, так что можно было один вечер провести с семьей.

А завтра с утра заехать в спорткомитет. У Асташева появилась одна достаточно смелая идея, которая могла как принести ему успех, так и утопить вместе с командой.

На следующее утро он отправился в спорткомитет, прямо к Завьялову, тому ещё в начале лета поставили в обкоме задачу обеспечить максимальное содействие тренерскому штабу «Автомобилиста», и Сан Саныч собирался это использовать по максимуму.

Несмотря на то, что утро выдалось пригожим и непривычно жарким для уральского августа, в здании спорткомитета было прохладно.

Асташев приехал с утра пораньше, и не все работники комитета были на своих местах, правда, к Завьялову это не относилось, тот был, как и тренер «Автомобилиста», ранней птишкой.

– Приветствую, Сан Саныч! – улыбаясь и пожимая руку Асташеву, сказал Завьялов. – С чем пожаловал? Был вчера на игре твоего «Автомобилиста», ты не ошибся с этим парнем, с Семёновым. Он очень хорошо сыграл. Поздравляю.

– Спасибо, Виктор Василич, – ответил Асташев, – я собственно по поводу Семенова и приехал.

– Что-то случилось? – тут же напрягся его собеседник, – опять травма? Но на игре я ничего подозрительного не видел.

– Да нет, сплунь, – улыбнулся Асташев. – Всё хорошо с ним, – он посмотрел на часы и продолжил, – сейчас по идее должен просыпаться и после завтрака выходить на тренировку.

– Так в чем дело-то? – снова спросил Завьялов.

– Хотя времени прошло всего ничего, но меня смущает, что он у меня один в команде. Я хоть и приставил к нему Илью Бякина, в качестве наставника, скажем так, но этого мало.

– И?

– Я хочу взять в команду ещё как минимум двоих игроков. Молодых и которые у нас ещё не выступали. Создать парню круг общения.

– А не боишься, что у тебя команда на группировки развалится? Молодые против старичков. Что делать будешь?

– Ты за кого меня принимаешь, Василич? Боюсь, конечно. Если увижу хотя бы намёки на это, прекращу моментально.

– Смотри, Сан Саныч, если ты не дашь результат, то полетят головы. И не только твоя. Я тоже мигом вылечу из этого кабинета. Мне товарищ Петров (первый секретарь Свердловского обкома КПСС, прим. автора) лично задачу ставил. И знаешь, кто при этом разговоре присутствовал?

– Конечно, знаю, это же мне в обкоме хвост крутили, а не тебе. Не задавай глупых вопросов, а просто говори.

– Борис Николаевич, вот кто. Он хоть и секретарствует у себя в Москве, но родную область не забыл и живо нашими делами интересуется. А Ельцин, ты сам понимаешь, – это величина.

– Слушай, Василич, не забивай мне голову своей политикой. У нас в спорте и так её как одного дела за баней. Чего стоит хотя бы бойкот последней летней Олимпиады. Давай ближе к делу. Я за свои слова и поступки отвечаю в полной мере.

– Хорошо, как знаешь. И кого же ты хочешь к себе в команду? Парочку ребят из «Спутника»? Чтобы твоему Семёнову создать нужную атмосферу?

– Что? Нет, конечно. Это было бы лучшим решением, но, к сожалению, там совсем некого брать, это точно будет неправильно.

– Тогда кого? И откуда?

– Пока что я хочу взять в команду Женю Мухина из нашего местного «СКА», он может вырасти в хорошего защитника, пока что он, конечно, сырой, но если с ним поработать, то, глядишь, и получится хороший домосед в пару к Бякину.

– Так, это первый. А кто второй?

– Стас Виноградов из «Луча», мне кажется, что он может хорошо сыграть с Семёновым. У того быстрые руки и в голове как будто ЭВМ. А Виноградов просто очень быстрый. Атаковать сходу у них получится очень и очень хорошо. Я почти уверен.

– Хорошо, будут тебе эти игроки. Но ты мне скажи. Я уже задавал этот вопрос, но подниму его снова. Что ты будешь делать с теми, кто тебе не подойдёт? Состав-то не резиновый.

– Слушай, Василич, ты не обижайся, но я тут подумал и решил, что это совсем не моя забота. Тебе же товарищ Петров лично задачу ставил. Так что давай, оправдывай высокое доверие коммунистической партии и лично товарищей Петрова и Ельцина.

Всё, мне надо обратно к команде. К вечеру, я надеюсь, нужные мне игроки будут на базе «Автомобилиста».

Когда дверь за наглым тренером «Автомобилиста» закрылась, Завьялов выругался, достаточно грубо, кстати, а потом посмотрел на часы и потянулся за телефоном.

* * *

Утреннюю тренировку начал не Асташев, а его помощник Иванов. Он оказался прямо-таки либералом, вместо пробежек под палящим солнцем или упражнений на силу и выносливость, мы просто высыпали на лёд, размялись, правда, очень основательно и затем стали играть двустороннюю игру в усеченном составе, особо не напрягаясь. Правда, Иванов постоянно тасовал звенья внутри тренировочных команд так, чтобы каждый мог сыграть в наибольшем количестве сочетаний.

Синие, за которых играл я, очень быстро забили две шайбы, оба раза с моих пасов отличился Игорь Лукиянов. Он, кстати, как-то волком на меня смотрел всё время с тех пор, как я появился в составе команды.

Он оказался очень неплохим нападающим, пожалуй, что повыше уровнем чем большинство «старичков», ну за исключением Кутергина, даже странно, почему в двух предыдущих играх его решили не заявлять.

Иванов тоже отметил моё неплохое взаимодействие с Лукияновым, и, всё оставшееся время до конца тренировки, мы с ним выходили в паре, только третий в звене постоянно менялся.

К концу тренировки я кое-что понял про Игоря. Он отличался от остальных игроков команды тем, что очень неплохо бросал и пасовал с неудобной руки, не так как я в будущем, но для него не было проблемой быстро принять решение и бросить. Да и с движением на льду и видением площадки у него тоже всё было очень и очень неплохо.

Для моего тезки Семёнова, который защищал ворота красных, и для двух пар защитников наши с ним, простые в общем, двоечки раз за разом становились проблемой.

В итоге у меня сложилось впечатление, что с Игорем мне было бы комфортно играть в одном звене. Надеюсь, что и тренеры это увидят.

Сейчас уже восьмое августа, до нашей первой игры в высшей лиге, дома с ленинградским «СКА», оставалось чуть больше месяца, и пора уже тренерам определиться с моими партнёрами по звену.

Тем более, как обмолвились тренеры во время этой двусторонки, скоро мы уезжаем в Крым, на последний этап подготовки к сезону, и туда поедут те, кто и начнут сезон. То есть предсезонных игр осталось очень мало.

– На этом закончили, – сказал появившийся на льду Асташев, когда в ворота Семёнова влетела очередная шайба, синие, за которых я играл, одержали уверенную победу 11-5, – вечером у нас ещё одна тренировка, а завтра игра со «Спутником» в Нижнем Тагиле.

Последние слова тренера меня обрадовали. Я думал, что весь этот турнир будет в Свердловске. А так появился шанс, что на игре будут мои родители, как бы странно это не звучало.

Мне очень хотелось, чтобы они увидели, как я играю за «Автомобилист». Эти простые и честные люди стали мне родными за то короткое время, которое я провёл здесь. Особенно отец, то с какой верой и уверенностью он говорил про то, что я должен попробовать себя в большом хоккее дорогого стоило.

Для моих настоящих родителей, там в двадцать первом веке, увлечение сына хоккеем было не более чем полезным способом отвлечь меня от виртуальной реальности 24 на 7. В которую дети, если у родителей или бабушек с дедушками не было времени или как в моём случае

желания, погружались чуть ли не сразу, как только могли включить компьютер и надеть шлем или очки VR.

Это потом, когда мама с папой поняли, что их сын – талант, всё изменилось, и они очень хорошо финансово вложились в моё будущее. Персональные тренеры, лучшие тренажёры и индивидуальные программы. Всё на высшем уровне, но при этом как-то потребительски, что ли. Как будто я для них, бизнесменов до мозга костей, стал ещё одним активом, который может принести хорошую прибыль.

Я, когда достаточно вырос, смог это понять, поэтому отношения с моими настоящими родителями у меня сложились очень ровные и прохладные. Сыновний долг я отдал тем, что бесплатно стал лицом рекламной кампании их линии спортивного питания. И только.

Здесь было по-другому, здесь родители меня по-настоящему любили и хотели для меня лучшего будущего, каждый по-своему.

* * *

Вечером перед тренировкой у нас состоялось очередное командное собрание, на котором нам представили сразу двоих новичков. Защитника Евгения Мухина из Свердловского «СКА» и нападающего Станислава Виноградова из «Луча».

Последнего я помнил по игре с его командой, быстрый парень, даже очень. У таких, как говорится, ноги бегут впереди головы.

Мне показалось странным, что они очень, можно даже сказать, подозрительно молоды. Обоим по 19 лет, оба крепкие и коротко стриженные. Что-то товарищи тренеры мутят.

Мои подозрения подтвердились через полчаса. После тренировки – очередные баллоны плюс отработка базовых хоккейных приёмов, у нас состоялась вторая за день двусторонка.

И в ней ко мне и Лукиянову в звено поставили Виноградова. А ещё один новичок, Мухин, стал напарником для Ильи Бякина. Эта пара оказалась в одной команде со мной, и тренеры постоянно выпускали нас пятерых на лёд вместе.

Получилось на удивление неплохо. Средний возраст нашей пятерки был всего 20 лет, но это тот случай, когда молодость бьёт опыт. Значительно более возрастные соперники нам сильно уступали.

И это раздражало наших старичков, особенно Кутергина, тот был уже достаточно медленным, особенно на фоне меня и Виноградова. Как-никак Виктору исполнилось уже 35. Этот тот возраст, когда скорости у большинства уже нет и игра строится на другом, на видении площадки, рассудительности, навыках и опыте.

Правда, все его плюсы я с лихвой бил своими. Он, конечно, матёрый мужик, чемпион, мастер спорта и легенда уральского хоккея, но я тоже не пальцем деланный, и мои хоккейные университеты всяко покруче, чем его.

Так что Виктор Александрович даже не доиграл эту тренировочную игру. После того, как Илья впечатал его в борт, отобрал шайбу и отпасовал мне, Кутергин выругался на весь каток, перелез через бортик и пошёл на выход.

В этот момент тренировка даже остановилась, настолько неожиданным вышел этот демарш. Но нас, тех, кто остался на льду, привёл в чувства голос Асташева.

– Что встали? Продолжаем. Тарасов, смени Кутергина.

Тренировка возобновилась с вбрасывания в средней зоне, и я, выиграв его, краем глаза увидел, как Асташев что-то обсудил со своими помощниками, а потом быстро пошёл на выход.

* * *

Кутергин буквально стрелой влетел в раздевалку, скинул с себя коньки, очень быстро переоделся в спортивный костюм и, оставив снаряжение валяться на полу, практически выбежал на улицу. Там он сел в свою припаркованную рядом с катком Волгу и уже хотел было завести мотор.

Но увидел, что на улицу выскочил Асташев и подошёл к вплотную к водительскому окну и даже по нему постучал. Делать нечего, пришлось выйти из машины.

– В мой кабинет, быстро! – коротко и грубо, не допуская ни малейших возражений, сказал главный тренер.

Когда они двое оказались в кабинете Асташева, тот спросил.

– Витя, какого хрена? Ты что творишь?

– Да ладно вам, Александр Саныч, я что, не вижу, что происходит?

– И что же по-твоему? – язвительно спросил Асташев. Он достал сигареты, раскурил одну, а потом после секундной паузы подал пачку Кутергину.

– Завтра вы поставите в звено к жонглёру Лукиянова и Виноградова. Они наверняка хорошо сыграют, и вы будете их наигрывать для высшей лиги.

– И что?

– А то, что мест мало, а кандидатов много. А у нас как принято? Ветераны практически всегда уступают дорогу молодым. Старшинову сколько было лет, когда он закончил?

– Тридцать девять, вообще-то.

– Да ладно вам. Тридцать пять, на самом деле. Его командировка в Японию и возвращение в «Спартак» были так, пенсией. Петров закончил в 36, Боря Михайлов тоже в 36, Саня Рагулин вообще в 32. А мне – 35.

– Ты хочешь сказать, что я тебя отчислю из команды, чтобы взять молодых?

– Да, именно так. Как появился этот жонглёр, всё пошло через задницу.

– Ты же знаешь, что сначала я хотел убрать из команды Игоря Лукиянова?

– Знаю, мне Иванов сказал.

– Я и не сомневался. И когда это было так, ты молчал и не возмущался. А когда решил, что вместо Игоря ты останешься за бортом, то решил психануть. Своя рубашка ближе к телу? Так, Витя?

Кутергин молчал, куря уже вторую сигарету, а Асташев продолжил:

– Да, возможно, «Автомобилист» начнёт сезон с тройкой Лукиянов – Семенов – Виноградов. Ты сам всё сегодня видел. Но тебе, Витя, надо не такие вот фортели выписать и психовать. А быть тем, кем ты должен. Учителем для молодых. Для того же Саши Семёнова. Который жизни ещё не нюхал.

– Сан Саныч, чему я его научу? Не хочу этого говорить, но этот жонглёр в хоккее понимает как бы не больше нас всех вместе взятых. Вместе с тобой, кстати. Такого учить – только портить.

– Витя, ты не прав. Ты ему в отцы годишься. Если ты не дурак, а я так не считаю, то простой нашей советской житейской мудрости у тебя должно быть столько, что двоим хватит. Ты и Крым, и Рим прошёл. В ЦСКА играл и за сборную. Ты можешь очень многое дать нашим молодым. Не только Семёнову, а всем. Тот же Бякин, он – отличный защитник, такого защитника в «Автомобилисте» ещё не было. Но ему тоже всего 24. Он и половины ещё не знает того, что знаешь ты.

Асташев встал со своего кресла, прошёлся по кабинету, посмотрел в окно, за которым собирался летний уральский дождь, и продолжил.

– В общем так, товарищ Кутергин. Я сделаю вид, что ни твоего демарша, ни сегодняшнего разговора не было. Ты мне в команде нужен. Понял меня?

– Понял, товарищ главный тренер, понял.

– А раз понял, то иди в душ, а как помоешься отвези Семёнова в Нижний Тагил, домой. У парня это последний шанс побыть с родителями перед очень длинным и тяжёлым сезоном. После того, как мы сыграем со «Спутником», он их долго не увидит. И да, завтра в обед ты снова поедешь к нему домой и привезёшь его к нам на базу. Понял меня?

– Да что вы всё заладили «понял-понял?», не дурак.

– Был бы ты по-настоящему умным, этого разговора не было бы. Всё, Витя, иди. И постарайся наладить с пацаном контакт. В следующем сезоне у тебя будет считай последний шанс ещё раз выиграть чемпионат Союза. И не так как в прошлый раз, ты же, на самом деле, отыграл меньше половины матчей тогда, а по-настоящему. Будучи основным игроком команды и её капитаном. А с Семёновым в составе этот шанс хороший.

– Вы так думаете? – спросил Кутергин уже от двери кабинета.

– Да, я так думаю. Всё, иди.

Глава 6

– Садись, жонглёр, – сказал мне Кутергин, когда я вышел на улицу и подошёл к его машине.

Достаточно большой, кстати, и необычного для этого времени кремового цвета.

Судя по всему, это была Волга, вернее, не судя по всему, а точно. На капоте я увидел знакомый мне значок. В конце двадцатых годов в Нижнем Новгороде восстановили производство легковых автомобилей, и «Волга» снова стала узнаваемым брендом на российских просторах.

– Давай-давай, – снова сказал Кутергин, – закидывай свой баул в багажник и поехали. Ты как будто Волги не разу не видел.

– Ну почему, видел, – ответил я, когда хлопнул крышкой багажника и сел на сиденье рядом с Кутергиным, – это же двадцать четвертая?

– Верно, она родимая. Машина – зверь. Прокачу тебя до твоего Нижнего Тагила с ветерком.

Кутергин медленно выехал за ворота базы «Автомобилиста», а потом дал газу. Стрелка спидометра быстро перевалила за 90 километров в час, и мы поехали в сторону Свердловска, обгоняя попутные легковушки и грузовики.

– Как тебе у нас в команде? – спросил меня Кутергин, когда мы проехали километров десять. – Отличается наш «Автомобилист» от твоего «Спутника»?

– Сейчас уже мой не «Спутник», а «Автомобилист», Виктор Александрович, – ответил я, – немного непривычны тренировки, но, в целом, нормально.

– Нормально? – хохотнув, переспросил Кутергин, – пожалуй, ты выбрал верное слово. Именно что нормально. Тебе не тяжело играть? Всё ж таки ты в команде самый молодой.

– Да нет, наверное. Игра-то всё равно одна. Десять полевых, два вратаря, шайба и судейская бригада.

Пока мы перебрасывались этими мало значимыми словами, машина успела разогнаться, и уже на подъезде к Свердловску нас остановил полицейский патруль. Вернее, учитывая то, что я сейчас в СССР тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, это были гаишники.

– Вот чёрт, никогда они тут не стояли, – чертыхнулся Кутергин, когда его машина остановилась.

Впрочем, ситуация быстро разрешилась.

– Нарушаем, товарищ водитель, – сказал подошедший к нам милиционер, а потом осекся и расплылся в улыбке. – Товарищ Кутергин, это же вы? Правда?

– Верно, прошу меня извинить, товарищ старший сержант. Увлёкся разговором с нашим юниором и не заметил, что нарушил.

– Ничего страшного, можете ехать. Только можно мне ваш автограф?

– Конечно, – ответил Кутергин и, когда милиционер подал свой блокнот и ручку, размашисто расписался.

– Можете ехать, – сказал служитель закона и улыбнулся, – аккуратней на дороге и удачи в следующем сезоне.

– Спасибо, удача нам понадобится. У «Автомобилиста» большие планы на сезон, приходите на игры и сами всё увидите.

– Непременно. Ещё раз хорошей дороги.

Когда патрульная машина скрылась позади, Кутергин обратился ко мне:

– Небольшой плюс от того, что у нас хоккей любят. Не поверишь, у меня лет за пять ни разу проблем с гаишниками не было. Как увидят, кого тормознули, так сразу отпускают. Если на наглеть и пьяным не ездить, например, то всё всегда с рук спускают.

За окном в это время показались уже пригороды Свердловска, а потом и улицы этого славного города. Который имел своё очарование, надо признать.

Нет, до той же Москвы или Санкт-Петербурга, вернее, сейчас Ленинграда, он не дотягивал. Но был ухоженным и аккуратным. Плюс небо и воздух вокруг чувствовались по-настоящему чистыми и звенящими, что ли.

Слушая музыку, доносящуюся до нас из автомобильной магнитолы, надо сказать, что не советской, а иностранной, японской «Panasonic», мы проехали через центр города. Никакого Ельцин-центра, снесённого в начале тридцатых годов следующего века тут и близко не было, но и без него Свердловск производил хорошее впечатление. Я пока что мало видел городов в этом времени, но этот мне понравился.

– Ты здорово играешь на вбрасываниях, – нарушил молчание Кутергин, – даже завидно. Откуда ты этого набрался? Другие ребята из «Спутника» не такие ловкие, так что это не работа Прокофьева.

– Даже не знаю. Это как-то само собой получается, – не говорить же ему про мой бэкграунд, – ну и плюс мне всегда очень нравилось работать с шайбой. Жонглировать, – добавил я, вспомнив прилипшее ко мне прозвище, – наверное, это тоже помогает.

Потом мы с ним ещё долго вели беседы про хоккей и вообще «за жизнь», как говорится. Так что дорога, все сто с лишним километров до Нижнего Тагила, пролетела незаметно.

Кутергин за эти несколько часов показался мне абсолютно нормальным мужиком, даже странно, чего он так на меня взъелся поначалу.

Ещё утром, да и на тренировке тоже, буквально волком смотрел, а сейчас всё совсем не так.

Дружелюбно и даже с каким-то интересом разговаривает. Как будто подменили человека.

Хотя я не удивлюсь, что всё это не просто так и у них с Асташевым был разговор насчёт меня. Как-никак, Кутергин – главная звезда команды, если это слово вообще применимо к игроку советского провинциального клуба. И, наверняка, какие-то амбиции, связанные со спортом, у него всё ещё имеются.

* * *

– Этот? – спросил меня Виктор Александрович, когда мы остановились возле дома, где жили мои родители.

Благодаря позднему времени на лавочках около подъезда никого не было, хотя обычно они плотно оккупированы живущими здесь пенсионерками, беззлобными в сущности старушками, которые выполняли роль своеобразного видео регистратора, от их бдительного взгляда ничего не могло укрыться.

– Да, спасибо, – ответил я.

– Отлично, давай помогу тебе с твоим барахлом.

Кутергин вышел из машины, открыл багажник и достал мой баул с формой и клюшки.

– Может, зайдёте попить чаю? – спросил я.

– Да нет, жонглёр, поеду домой лучше. До встречи завтра. И давай не опаздывай, Асташев этого сильно не любит.

– Спасибо, не опоздаю.

– Ну тогда всё, бывай, жонглёр.

Кутергин сел в машину и уехал, а я немного постоял на улице, вдыхая ночной воздух. Рядом с домом мама и пара её подружек-соседок разбили несколько клумб, и сейчас аромат от цветов приятно щекотал мне ноздри. Глубоко вдохнув напоследок, я взял баул и клюшки и вошёл в подъезд.

Есть в этом что-то жизнеутверждающее самому таскать своё хоккейное барахло. Сразу чувствуется, что ты молодой и у тебя всё впереди. В будущем я тоже это делал, пока ещё был зеленым юниором. Потом, конечно, максимум, что оказывалось у меня в руках, когда я выходил из клубного автобуса – это рюкзак или вообще телефон с наушниками. Всё остальное брали на себя администраторы команды или работники ледовых арен.

Но сейчас шесть лестничных пролётов до квартиры родителей мои и только мои. Ничего страшного, вот ещё шестнадцатилетнему и здоровому, как бык, парню жаловаться на какую-то там сумку.

Несмотря на ночное время, родители не спали, уж не знаю почему. Поэтому дверь мне открыли очень быстро. На пороге стоял отец в своих вечных домашних тапочках и серых штанах с футболкой, майки-алкоголички, как называла их мать, отец практически не носил.

– Максим, тебя что из Армии выгнали? – почему-то спросил он удивлённо.

– Какой Максим? Какая армия? Отец, ты вообще о чём?

Видя моё непонимание, он засмеялся и продолжил:

– Совсем ты со своим хоккеем закурился, уже и мамин любимый фильм не помнишь.

Пришлось в ответ только пожать плечами, правда, я сделал себе зарубку узнать, что это за фраза и откуда она.

Потом были заполошные объятия с мамой и отцом, а когда они, наконец, выпустили меня, то мы долго разговаривали за полуночным чаем с чайным батоном, сливочным маслом и смородиновым вареньем.

После моего рассказа о том, что после этого турнира я уезжаю с командой в Крым, а в сентябре дебютирую в высшей лиге чемпионата СССР, мама тяжело вздохнула, а отец очень выразительно на неё посмотрел.

Видимо, у них так и продолжались разговоры о моем будущем, и Клавдия Петровна до сих пор не смирилась с моим выбором.

Отец, наоборот обрадовался и даже, чего я раньше не видел, открыл сервант и, достав оттуда бутылку армянского коньяка, выпил на радостях.

– Вот, мать! – довольно начал он. – А я говорил, что будет из Сашки толк. Хоккей – его будущее, а не прораб на стройке. А ты не верила.

На этом наши ночные посиделки завершились, и я, немного поворочавшись, под храп отца уснул.

На следующее утро я проснулся и вместе с отцом же и позавтракал. Нам повезло, что у него выдался выходной, так что мы с ним прогулялись по городу, а потом, ровно в 15:00 я был возле ледового дворца спорта и смотрел, как паркуется автобус с «Автомобилистом».

* * *

10 августа 1987 года. Нижний Тагил, Свердловская область, СССР, Ледовый дворец спорта. «Спутник» Нижний Тагил – «Автомобилист» Свердловск. 4200 зрителей.

И снова все билеты на игру «Спутника» проданы. На трибунах негде и яблоку упасть, и где-то там, среди тысяч болельщиков, есть и моя персональная группа поддержки. Родители, несколько друзей семьи и коллеги отца по работе пришли меня поддержать. Если бы не всё произошедшее со мной, то старого Сашу Семёнова, наверняка, бы пришли поддержать его школьные и дворовые друзья, тем более что старый «я» был компанейским парнем.

Но за лето всё изменилось, до старых друзей-товарищей мне сейчас нет никакого дела, как и до бывших партнёров по «Спутнику», ну нет никаких у меня с ними ни общих тем, ни точек соприкосновения.

Перед игрой Асташев выдал свою очередную предматчевую речь, практически ничем не отличающуюся от той, что была до этого. За исключением самых последних слов.

– ... И последнее, товарищи. Сегодня мы в игре пробуем новые сочетания как защитников, так и нападающих. В первой паре и первой же спецбригаде у нас сегодня играют Лукьянов – Семёнов – Виноградов, а первой парой защиты будут Бякин и Мухин. Я хочу, чтобы вы показали свой максимум сейчас. Не надо делать скидку на уровень соперника. В любом случае первый состав Спутника – это не юниоры, и это не команда из не хоккейного региона нашей страны. Это опытные и крепкие игроки, к которым нужно относиться соответственно, с уважением и серьёзностью. Ещё раз, мне нужен максимум. Чтобы вы понимали, от этой игры зависит состав на следующий матч и то, в каком составе мы поедem в Крым, а потом начнём чемпионат.

Всё, товарищи игроки. На лёд!

Да, играть при полных трибунах чертовски приятно. И приятно, что в этом компоненте советский хоккей ничем не уступает канадскому, тут тоже его любят и ходят на юниоров или на игры второй лиги так же, как и на лигу высшую.

В России, которую я помню, было совсем не так. Пока я ещё был юниором и играл в МХЛ, нередко приходилось видеть от силы несколько сотен на трибунах. Огромный и печальный контраст по сравнению с тем, что я вижу сейчас.

Все эти мысли роились у меня в голове во время раскатки, вот вроде бы и надо сосредоточиться на игре, тем более что она очень важна для моих новых партнёров, но нет. Голова не тем забита. Вместо конкретных мыслей и планов я занимаюсь пространственными рассуждениями.

Хотя, может, это и к лучшему. Это же означает, что мандража никакого нет, и я уверен в себе.

Наконец, раскатка закончилась, и я занял место на точке вбрасывания. Против меня стоял мой тёзка Александр Борисов, центр первого звена основной команды Спутника, которую я перепрыгнул и из юниорского состава попал сразу в «Автомобилист».

Судья дал свисток, и игра началась.

Выигрыш вбрасывания стал для меня рутиной, я откинул шайбу Мухину и занял место на синей линии противника. Ближе к левому от меня краю площадки.

Мои партнёры по атакующему звену опустились ниже в нашу зону, за ними ушли их опекуны, а меня остались караулить сразу два защитника, которые выстроились один за другим.

Вроде бы все наши игроки были таким образом закрыты, но вот Бякин остался свободным, хоть и глубже всех в нашей зоне.

Ему Мухин и отдал передачу. Илья прошёл чуть вперёд, отыгрался с Игорем Лукьяновым, тому не давали пройти вперёд, но принять шайбу спиной к чужим воротам и дать обратный пас ничто не мешало, а потом уже шайба оказалась у меня. В самый последний момент я ускорился, и, когда Бякин отдал её на свободное место, я её подхватил. Защитники, которые меня вроде как караулили, банально проворонили мой рывок, и мы через пас вошли в зону соперника.

Принять-то я принял, а вот сходу бросить мне уже не дали. Не такие уж игроки «Спутника» – валенки. Да, они опоздали во время паса, но тот, который должен был страховать, тут же попытался провести силовой приём.

Я успел поднять голову и увидеть, что вся моя пятёрка уже в зоне, а затем сильно бросил шайбу вдоль борта, ожидая, что её Виноградов примет её за воротами, а потом ушёл от уже бесполезного силового приёма и рванул в центр, на пятачок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.